

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Перечень художественной литературы для детей

Младший дошкольный возраст 3-4 года		
№	Название произведения	Автор
1.	«Теремок»	Русская народная сказка в обработке М.Булатова
2.	«Репка»	Русская народная сказка в обработке М.Булатова
3.	«Кот, Лиса и Петух»	Русская народная сказка в обработке М.Булатова
4.	«Как Коза избушку построила»	Русская народная сказка в обработке М.Булатова
5.	«Гуси-лебеди»	Русская народная сказка в обработке М.Булатова
6.	«Айболит»	К. Чуковский
7.	«Ухти-Тухти»	Б. Поттер пер. с англ. О.Образцовой
8.	«На горке»	Н.Носов

Русская народная сказка «Теремок» (в обработке М.Булатова)

Стоит в поле теремок. Бежит мимо мышка–норушка. Увидела теремок, остановилась и спрашивает:

— Терем–теремок! Кто в тереме живёт?

Никто не отзывается.

Вошла мышка в теремок и стала в нём жить. Прискакала к терему лягушка–квакушка и спрашивает:

— Терем–теремок! Кто в тереме живёт

— Я, мышка–норушка! А ты кто?

— А я лягушка–квакушка.

— Иди ко мне жить!

Лягушка прыгнула в теремок. Стали они вдвоём жить.

Бежит мимо зайчик–побегайчик. Остановился и спрашивает:

— Терем–теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка–норушка!

— Я, лягушка–квакушка. А ты кто?

— А я зайчик–побегайчик

— Иди к нам жить!

Заяц скок в теремок! Стали они втроём жить.

Идёт лисичка–сестричка. Постучала в окошко и спрашивает:

— Терем–теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка–норушка.

— Я, лягушка–квакушка.

— Я, зайчик–побегайчик.

— А ты кто?

— А я лисичка–сестричка.

— Иди к нам жить!

Забралась лисичка в теремок. Стали они вчетвером жить.

Прибежал волчок–серый бочок, заглянул в дверь, и спрашивает:

— Терем–теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка–норушка.

— Я, лягушка–квакушка.

— Я, зайчик–побегайчик.

— Я, лисичка–сестричка.

— А ты кто?

— А я волчок–серый бочок.

— Иди к нам жить!

Волк и влез в теремок. Стали впятером жить.

Вот они все в теремке живут, песни поют.

Вдруг идёт мимо медведь косолапый. Увидел медведь теремок, услышал песни, остановился и заревел во всю мочь:

— Терем–теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка–норушка.

— Я, лягушка–квакушка.
— Я, зайчик–побегайчик.
— Я, лисичка–сестричка.
— Я, волчок–серый бочок.
— А ты кто?
— А я медведь косолапый.
— Иди к нам жить!

Медведь и полез в теремок. Лез–лез, лез–лез — никак не мог влезть и говорит:

— Я лучше у вас на крыше буду жить.
— Да ты нас раздавишь!
— Нет, не раздавлю.
— Ну так полезай!

Влез медведь на крышу.

— Только уселся — трах! — раздавил теремок.

Затрещал теремок, упал на бок и весь развалился.

Еле-еле успели из него выскочить: мышка–норушка, лягушка–квакушка, зайчик–побегайчик, лисичка–сестричка, волчок–серый бочок — все целы и невредимы.

Принялись они брёвна носить, доски пилить — новый теремок строить. Лучше прежнего выстроили!

Русская народная сказка «Кот, Лиса и Петух»

В лесу в маленькой избушке жили-были кот да петух. Кот рано утром вставал, на охоту ходил, а Петя-петушок оставался дом стеречь. Уйдет кот на охоту, а петушок все в избушке приберет, пол чисто подметет, вскочит на жердочку, песни поет и кота ждет.

Бежала как-то лиса, услышала, как петух песни поет, захотелось ей петушиного мяса попробовать. Вот она села под окошко да и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко —
Дам тебе горошку.

Петушок выглянул, а она его — цап-царап — схватила и понесла. Петушок напугался, закричал:

— Несет меня лиса за темные леса, за высокие горы! Котик-братик, выручи меня!

Кот недалеко был, услышал, помчался за лисой что было силы, отнял петушка и принес его домой.

На другой день собирается кот на охоту и говорит петушку:

— Смотри, Петя, не выглядывай в окошко, не слушай лису, а то она тебя унесет, съест и косточек не оставит.

Ушел кот, а Петя-петушок в избушке все прибрал, пол чисто подмел, вскочил на жердочку — сидит, песни поет, кота ждет.

А лиса уж тут как тут. Опять уселась под окошком и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко —
Дам тебе горошку.

Петушок слушает и не выглядывает. Лиса бросила в окошко горсть гороху.

Петушок горох склевал, а в окно не выглядывает. Лиса и говорит:

— Что это, Петя, какой ты гордый стал? Смотри, сколько у меня гороху, куда же мне его девать?

Петя выглянул, а лиса его — цап-царап — схватила и понесла. Петушок испугался, закричал:

— Несет меня лиса за темные леса, за высокие горы! Котик-братик, выручи меня!

Кот хоть далеко был, а услышал петушка. Погнался за лисой что было духу, догнал ее, отнял петушка и принес его домой.

На третий день собирается кот на охоту и говорит:

— Смотри, Петя, я сегодня далеко на охоту пойду, и кричать будешь — не услышу. Не слушай лису, не выглядывай в окошко, а то она тебя съест и косточек твоих не оставит.

Ушел кот на охоту, а Петя-петушок все в избушке прибрал, пол чисто подмел, на жердочку вскочил и сидит, песни поет, кота ждет.

А лиса опять тут как тут. Сидит под окошком, песенку поет. А Петя-петушок не выглядывает. Лиса и говорит:

— Ах, Петя-петушок, что сказать тебе хочу! За тем и торопилась. Бежала я по дороге и видела: мужики ехали, пшено везли; один мешок худой был, все пшено по дороге рассыпано, а подбирать некому. Из окна видать, вот погляди.

Петушок поверил, выглянул, а она его — цап-царап — схватила и понесла. Как петушок ни плакал, как ни кричал — не слышал его кот, и унесла лиса петушка к себе домой.

Приходит кот домой, а петушка-то и нет. Погоревал, погоревал кот — делать нечего. Надо идти выручать товарища — наверное, его лиса утащила.

Пошел кот вначале на базар, купил там себе сапоги, синий кафтан, шляпу с пером да музыку — гусли. Настоящий музыкант стал.

Идет кот по лесу, играет в гусельки и поет:

Стрень, брень, гусельки,
Золотые струнушки,
Стрень, брень, гусельки,
Золотые струнушки.

Звери в лесу дивятся — откуда у нас такой музыкант появился? А кот ходит, поет, а сам все лисий дом высматривает.

И увидел он избушку, заглянул в окошко, а там лиса печку топит. Вот котя-коток встал на крылечко, ударил в струнушки и запел:

Стрень, брень, гусельки,

Золотые струнушки.

Дома ли лиса?

Выходи, лиса!

Лиса слышит, кто-то ее зовет, а выйти посмотреть некогда — блины печет.

Посылает она свою дочку Чучелку:

— Ступай, Чучелка, посмотри, кто меня там зовет.

Чучелка вышла, а котя-коток ее стук в лобок да за спину в коробок. А сам опять играет и поет:

Стрень, брень, гусельки,

Золотые струнушки.

Дома ли лиса?

Выходи, лиса!

Слышит лиса, кто-то ее вызывает, а отойти от печки не может — блины сгорят. Посылает другую дочку — Подчучелку:

— Ступай, Подчучелка, посмотри, кто меня там зовет.

Подчучелка вышла, а котя-коток ее стук в лобок да за спину в коробок, а сам опять поет:

Стрень, брень, гусельки,

Золотые струнушки.

Дома ли лиса?

Выходи, лиса!

Самой лисе нельзя от печи уйти и послать некого — один петушок остался.

Собиралась она его щипать да жарить. И говорит лиса петушку:

— Ступай, Петя, погляди, кто меня там зовет, да скорей возвращайся!

Петя-петушок выскочил на крыльцо, а кот бросил коробок, схватил петушка да понесся домой что было мочи.

С тех пор опять кот да петух живут вместе, а лиса уж больше к ним и не показывается.

Русская народная сказка «РЕПКА»

Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая. Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед бабку. Бабка за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Жучка кошку. Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабу, бабу за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала кошка мышку. Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабу, бабу за дедку, дедка за репку — тянут - потянут, вытащили репку!

«Доктор Айболит» К. Чуковского

Добрый доктор Айболит! Он под деревом сидит. Приходи к нему лечиться И корова, и волчица, И жучок, и червячок, И медведица! Всех излечит, исцелит Добрый доктор Айболит! 2 И пришла к Айболиту лиса: «Ой, меня укусила оса!» И пришёл к Айболиту барбос: «Меня курица клюнула в нос!» И прибежала зайчиха И закричала: «Ай, ай! Мой зайчик попал под трамвай! Мой зайчик, мой мальчик Попал под трамвай! Он бежал по дорожке, И ему перерезало ножки, И теперь он больной и хромой, Маленький зайнышка мой!» И сказал Айболит: «Не беда! Подавай-ка его сюда! Я пришью ему новые ножки, Он опять побежит по дорожке». И принесли к нему зайку, Такого больного, хромого, И доктор пришил ему ножки, И зайнышка прыгает снова. А с ним и зайчиха-мать Тоже пошла танцевать, И смеётся она и кричит: «Ну, спасибо тебе. Айболит!»	3 Вдруг откуда-то шакал На кобыле прискакал: «Вот вам телеграмма От Гиппопотама!» «Приезжайте, доктор, В Африку скорей И спасите, доктор, Наших малышей!» «Что такое? Неужели Ваши дети заболели?» «Да-да-да! У них ангина, Скарлатина, холерина, Дифтерит, аппендицит, Малярия и бронхит! Приходите же скорее, Добрый доктор Айболит!» «Ладно, ладно, побегу, Вашим детям помогу. Только где же вы живёте? На горе или в болоте?» «Мы живём на Занзибаре, В Калахари и Сахаре, На горе Фернандо-По, Где гуляет Гиппо-по По широкой Лимпопо».
--	--

И встал Айболит, побежал Айболит.
По полям, по лесам, по лугам он бежит.
И одно только слово твердит Айболит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»
А в лицо ему ветер, и снег, и град:
«Эй, Айболит, воротися назад!»
И упал Айболит и лежит на снегу:
«Я дальше идти не могу».
И сейчас же к нему из-за ёлки
Выбегают мохнатые волки:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя доведём!»
И вперёд поскакал Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

5

Но вот перед ними море — Бушует, шумит на просторе.
А в море высокая ходит волна.
Сейчас Айболита проглотит она.
«О, если я утону,
Если пойду я ко дну,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»
Но тут выплывает кит:
«Садись на меня, Айболит,
И, как большой пароход,
Тебя повезу я вперёд!»
И сел на кита Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

6

И горы встают перед ним на пути,
И он по горам начинает ползти,
А горы всё выше, а горы всё круче,
А горы уходят под самые тучи!
«О, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»
И сейчас же с высокой скалы
К Айболиту слетели орлы:

«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя довезём!»
И сел на орла Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

7
А в Африке,
А в Африке,
На чёрной
Лимпопо,
Сидит и плачет
В Африке
Печальный Гиппопо.

Он в Африке, он в Африке
Под пальмою сидит
И на море из Африки
Без отдыха глядит:
Не едет ли в кораблике
Доктор Айболит?

И рыщут по дороге
Слоны и носороги
И говорят сердито:
«Что ж нету Айболита?»

А рядом бегемотики
Схватились за животики:
У них, у бегемотиков,
Животики болят.

И тут же страусята
Визжат, как поросята.
Ах, жалко, жалко, жалко
Бедных страусят!

И корь, и дифтерит у них,
И оспа, и бронхит у них,
И голова болит у них,
И горлышко болит.

Они лежат и бредят:
«Ну что же он не едет,
Ну что же он не едет,
Доктор Айболит?»

А рядом прикорнула
Зубастая акула,
Зубастая акула
На солнышке лежит.

Ах, у её малюток,
У бедных акулят,
Уже двенадцать суток
Зубки болят!

И вывихнуто плечико
У бедного кузнечика;
Не прыгает, не скачет он,
А горько-горько плачет он
И доктора зовёт:
«О, где же добрый доктор?
Когда же он придёт?»

8

Но вот, поглядите, какая-то птица
Всё ближе и ближе по воздуху
мчится.
На птице, глядите, сидит Айболит
И шляпою машет и громко кричит:
«Да здравствует милая Африка!»

И рада и счастлива вся детвора:
«Приехал, приехал! Ура! Ура!»

А птица над ними кружится,
А птица на землю садится.
И бежит Айболит к бегемотикам,
И хлопает их по животикам,
И всем по порядку
Даёт шоколадку,
И ставит и ставит им градусники!

--	--

И к полосатым
Бежит он тигрятам.
И к бедным горбатым
Больным верблюжатам,
И каждого гоголем,
Каждого моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем потчует.
Десять ночей Айболит
Не ест, не пьёт и не спит,
Десять ночей подряд
Он лечит несчастных зверят
И ставит и ставит им градусники.

9

Вот и вылечил он их,
Лимпопо!
Вот и вылечил больных.
Лимпопо!
И пошли они смеяться,
Лимпопо!
И плясать и баловаться,
Лимпопо!

И акула Каракула
Правым глазом подмигнула
И хохочет, и хохочет,
Будто кто её щекочет.

А малютки бегемотики
Ухватились за животики
И смеются, заливаются — Так что дубы сотрясаются.

Вот и Гиппо, вот и Попо,
Гиппо-попо, Гиппо-попо!
Вот идёт Гиппопотам.
Он идёт от Занзибара.

Он идёт к Килиманджаро — И кричит он, и поёт он:
«Слава, слава Айболиту!
Слава добрым докторам!»

«Ухти-Тухти» Беатрис Поттер (английская сказка)

Жила-была девочка, которую звали Люси. Она жила на хуторе Литтлтаун, что по-английски означает «Маленький городок». Люси была хорошая девочка, только она почему-то всегда теряла свои носовые платочки.

Однажды Люси выбежала во двор и закричала (ох как она громко кричала!):

— Я потеряла платочки! И фартучек тоже пропал! Скажи, ты их не видел, Полосатик?

Но полосатый кот мыл свои белые лапки и ничего не ответил.

Тогда Люси спросила курочку:

— Скажи, милая Пеструшка, не видала ли ты мои платочки и фартук?

Но курочка прокудахла:

— Я бегая босиком! Босиком! Ко-ко-ко! — и убежала в сарай.

Тут Люси увидела на дереве реполова и спросила его:

— Птичка, а птичка! Ты не знаешь, куда делись мои платочки и фартук?

Но реполов покосился на неё своим блестящим чёрным глазом, ничего не сказал и улетел.

Тогда Люси вышла за калитку и посмотрела на гору, которая начиналась прямо за хутором. Гора была такая высокая, что облака закрывали её верхушку. И вдруг Люси показалось, что на склоне, в траве, что-то белеет. «Не мои ли это платочки?» — подумала она и побежала в гору так быстро, как только могли бежать её коротенькие ножки.

Она карабкалась по крутой тропинке всё выше и выше. Скоро Литтлтаун остался далеко внизу, и его домики казались совсем крошечными.

Люси всё шла, шла и вдруг увидела ручей, который, бурля и пенясь, бежал с горы.

Кто-то поставил на камень ведёрко, чтобы набрать воды. Оно было не больше яичной скорлупы, и вода переливалась через край. А на мокром песке виднелись следы чьих-то малюсеньких ножек.

Люси побежала по тропинке дальше и прибежала к высокой скале. Вокруг росла низенькая зелёная травка, а между ветками папоротника были натянуты тоненькие верёвочки, сплетённые из былинки. На траве лежала целая куча бельевых прищепок. Но носовых платочков нигде не было видно!

Зато Люси заметила что-то очень интересное. Прямо перед ней, в скале, была дверь. А за дверью кто-то пел:

Ухти-Тухти,

Ухти-Тухти,
Я лесная прачка.
Ухти-Тухти,
Я стираю
Зайцам, и собачкам,
И мышатам, и котам,
И лисятам, и кротам.

Люси постучала в дверь и вошла. Угадайте, что же она увидела? Она увидела прелестную чистенькую кухоньку. Всё как в настоящей деревенской кухне! Только потолок такой низкий, что Люси почти коснулась его головой. А посуда на полке совсем крошечная.

В кухне приятно пахло свежее-выглаженным бельём. Возле гладильной доски, держа утюг, стояла кругленькая коротышка и испуганно смотрела на Люси. Её ситцевое платье было подоткнуто, а из-под фартука виднелась полосатая нижняя юбка. Маленький чёрный нос пыхтел: «Тух-тух-тух», чёрные глазки сверкали, как бусинки. На голове был чепчик, из-под которого почему-то торчали иголки.

Скажите, пожалуйста, вы не видели моих носовых платочков? — спросила Люси.

Ну конечно, видела, — ответила коротышка. — Только давай сперва познакомимся, дружок! Меня зовут Ухти-Тухти. Я умею стирать и крахмалить бельё.

Тут она вынула что-то из бельевой корзины и расстелила на гладильной доске.

— Что это? — спросила Люси.

— Это жилетка птички малиновки, дружок. Ухти-Тухти выгладила жилетку, сложила её, убрала в сторону и вынула из корзины ещё что-то.

— Не мой ли это фартук? — спросила Люси.

— Нет, нет! Это полотняная скатёрка птички синички. Погляди, она вся в пятнах от смородиновой настойки. Просто невозможно отстирать!..

Ухти-Тухти опять запыхтела: «Тух-тух-тух», сверкнула чёрными глазками, поплевала на пальчик, потрогала утюг и стала гладить скатёрку.

— А вот мои платочки! — закричала Люси. — И фартук!

Ухти-Тухти прогладила платочки, потом фартук и хорошенько встряхнула его, чтобы расправились оборочки.

— Ой, ещё платочек! Но это не мой, это красный.

— Конечно, не твой, дружок! Это платок бабушки крольчихи. От него ужасно пахло луком. Пришлось стирать отдельно. И всё равно запах остался.

— А это что за смешные белые комочки? — спросила Люси.

— Это рукавички полосатого кота. Он сам их моет, а я только глажу.

— А что это вы положили в тазик с крахмалом? — спросила Люси.

— Да это жилетка дрозда. Уж очень он привередливый, знаешь... Никак ему не угодишь! Ну вот и выгладила всё! — сказала Ухти-Тухти. — Теперь подсушу, что осталось.

— А это что такое, мягонькое и пушистое? — спросила Люси.

— Это шерстяные кофточки овечек.
— Разве овечки их снимают?
— Конечно, снимают. Посмотри-ка сюда, видишь метки? Вот эта кофточка — из Гейтсгарта. А эти три — из Литтлтауна. Когда отдают вещи в стирку, на них всегда ставят метки, чтобы не перепутать, — сказала Ухти-Тухти.

Она стала развешивать серые платица и разноцветные курточки мышат, бархатную жилетку крота, красный халатик проказницы белки, кургузый синий пиджачок братца кролика и неизвестно чью нижнюю юбку без метки. Вот корзинка и опустела.

Тогда Ухти-Тухти налила две чашечки чаю: одну себе, другую Люси. Они уселись на скамейку перед огнём и стали пить чай. Пьют и друг на дружку поглядывают.

Ухти-Тухти держала чашку коричневой, сморщенной от стирки ручкой. Сквозь её платье и чепчик торчали острые иголки. Люси на всякий случай отсела подальше.

Напившись чаю, они связали в узелок всё, что было выглажено, а свои платочки Люси завернула отдельно в фартук и заколола большой булавкой. Потом они погасили огонь в очаге, вышли из кухни, заперли за собой дверь, а ключ спрятали под порог.

Ухти-Тухти стала спускаться по тропинке, и Люси за ней. А навстречу к ним выходили из леса разные зверьки.

Первым из гущи папоротника выскочил — скок, скок! — длинноухий кролик. Ухти-Тухти отдала ему синий пиджачок.

Потом на тропинку выбежал мышонок и получил свою чистенькую жёлтую курточку.

И вот так всем, кто выходил на тропинку, — и зверятам и птицам — Ухти-Тухти отдавала их платица, или штанишки, или бельё. И все они благодарили добрую Ухти-Тухти.

А когда наконец тропинка дошла до хутора, всё было уже роздано и остались только чистые платочки и фартук Люси.

Тогда Люси перелезла через забор и обернулась, чтобы сказать Ухти-Тухти спасибо и пожелать ей доброй ночи.

И вдруг (нет, вы только подумайте)... вдруг Люси увидела, что Ухти-Тухти, не дожидаясь благодарности и даже не попрощавшись, со всех ног бежит в гору! Но куда же делся её чепчик в оборочках? И куда исчезли её шаль, платице, нижняя юбка? И какая она вдруг стала маленькая-маленькая, коричневая, вся покрытая иголочками!.. Ну совсем как ежика!

Говорят, что маленькая Люси просто заснула возле изгороди и всё это ей приснилось. Возможно. Но откуда же тогда взялись носовые платочки и фартук, заколотый большой булавкой?

Что же касается двери, которая ведёт в пещерку, где живёт Ухти-Тухти, то я сама её видела.

И с Ухти-Тухти я тоже очень хорошо знакома.

Русская народная сказка «Как Коза избушку построила»

Жила когда-то старуха-говоруха, и была у нее коза с козлятами. Утром люди встанут, за работу примутся, а старуха все на печке полеживает. Только к обеду подымется, поест, попьет и давай говорить. Говорит, говорит, говорит — и с соседками, и с прохожими, и сама с собой!

А коза с козлятами в хлеву заперты — ни травки им пощипать, ни водицы попить, ни побегать...

Вот как-то раз и говорит коза своим козлятам:
— Козлятушки-детушки, не житьё нам у старухи-говорухи! Пойдёмте-ка мы в лес, построим себе избушку и будем в ней жить.

Как выпустила старуха-говоруха козу с козлятами из хлева — они и побежали. Только их старуха и видела!

Прибежали они в лес и стали искать место, где бы избушку построить. Подошла коза к лесной яблоньке и говорит:

— Яблонька, яблонька! Можно мне под твоими ветками избушку построить?

— Не строй подо мною избушку, — отвечает яблонька. — Яблоки с меня упадут — твоих козлят ушибут. Ступай еще куда-нибудь.

Пошла коза к елке:

— Елка, елка! Можно мне под тобою избушку построить?

— Не строй подо мною избушку, — отвечает елка.

— Шишки с меня упадут — твоих козлят ушибут. Найди место получше!

Пошла коза с козлятами дальше. Увидела высокий дуб и говорит ему:

— Дуб, дуб! Можно мне под тобою избушку построить?

— Не строй подо мною избушку, — отвечает дуб. — По осени жёлуди с меня упадут — твоих козлят ушибут. Сама горевать будешь.

Пошла коза к осине:

— Осинка, осинка! Можно мне под тобою избушку построить?

Затрясла осинка своими ветками, всеми листьями:

— Мои листики и днём и ночью шумят — твоим деткам спать не дадут. Найди местечко получше!

Нечего делать, отправилась коза с козлятами дальше. Пришла к шиповнику:

— Шиповник, шиповник! Можно мне под тобою избушку построить?

Закачался шиповник:

— Что ты, что ты, коза! Или не видишь? Вон какие на мне колючки острые. Будут твои козлятки прыгать-скакать — всю шёрстку себе повыдерут. Ступай, коза, дальше, ищи местечко получше!

Пошла коза к берёзе:
— Берёзка, берёзка! Можно мне под тобою избушку построить?
Качнула берёзка веточками, сказала:
— Я твоих козлят от зноя уберегу, от дождика спрячу, от ветра укрою.
Строй подо мною избушку.

Обрадовалась коза. Построила под берёзкой избушку и стала жить в ней со своими козлятами.

«На горке» Николай Носов

Целый день ребята трудились - строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили ее водой и побежали домой обедать. - Вот пообедаем, - говорили они, - а горка пока замерзнет. А после обеда мы придем с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шел горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает, - как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

- О, говорит, - хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.
Только полез на горку - бух носом!
- Ого! - говорит. - Скользящая!

Поднялся на ноги и снова - бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

"Что делать?" - думает.

Думал, думал - и придумал:

"Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на нее".

Схватил он фанерку и покатыл к дворницкой. Там - ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет все выше и выше. Взобрался на самый верх.

- Вот теперь, - говорит, - скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова - бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

- Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках. Тут прибежали ребята. Видят - горка песком посыпана.

- Это кто здесь напортил? - закричали они. - Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

- Нет, - говорит Котька, - я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на нее взобраться.

- Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он - песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

- Может быть, когда-нибудь снег пойдет, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

- Так снег, может, через неделю пойдет, а нам сегодня надо кататься.

- Ну, я не знаю, - говорит Котька.

- Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

- Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

- Вот теперь, - говорят, - замерзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он еще сбоку лопатой ступеньки проделал.

- Это, - говорит, - чтоб всем было легко взбираться, а то еще кто-нибудь снова песком засыплет!

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Перечень художественной литературы для детей

Средний дошкольный возраст 4-5 лет		
№	Название произведения	Автор
1.	«Три поросёнка»	Джоэль Харрис Перевод с англ. С.Михалкова
2.	«Фёдорово горе»	К. Чуковский
3.	«Зимовье зверей»	Л.Толстой
4.	«Дядя Стёпа»	С.Михалков
5.	«Волшебная дудочка»	Русская народная сказка в пересказе А.Нечаева
6.	«Крылатый, мохнатый да масленный»	Русская народная сказка в обработке Красноуховой
7.	«Заплата»	Н.Носов
8.	«Большая стирка», «В лесу» (глава из книги «Рассказы о Беллочке и Тamarочке»)	Л. Пентелеев
9.	«Чем пахнут ремёсла»	Дж. Родари
10.	«Рассказ неизвестном герое»	С.Маршак

Сказка "Три поросенка"

Жили-были на свете три поросёнка. Три брата.

Все одинакового роста, кругленькие, розовые, с одинаковыми весёлыми хвостиками. Даже имена у них были похожи. Звали поросят Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Всё лето они кувыркались в зелёной траве, грелись на солнышке, нежились в лужах.

Но вот наступила осень.

Солнце уже не так сильно припекало, серые облака тянулись над пожелтевшим лесом.

- Пора нам подумать о зиме, - сказал как-то Наф-Наф своим братьям, проснувшись рано утром. - Я весь дрожу от холода. Мы можем простудиться. Давайте построим дом и будем зимовать вместе под одной тёплой крышей.

Но его братьям не хотелось браться за работу. Гораздо приятнее в последние тёплые дни гулять и прыгать по лугу, чем рыть землю и таскать тяжёлые камни.

- Успеется! До зимы ещё далеко. Мы ещё погуляем, - сказал Ниф-Ниф и перекувырнулся через голову.

- Когда нужно будет, я сам построю себе дом, - сказал Нуф-Нуф и лёг в лужу.

- Я тоже, - добавил Ниф-Ниф.

- Ну, как хотите. Тогда я буду один строить себе дом, - сказал Наф-Наф. Я не буду вас дожидаться. С каждым днём становилось всё холоднее и холоднее. Но Ниф-Ниф и Нуф-Нуф не торопились. Им и думать не хотелось о работе. Они бездельничали с утра до вечера. Они только и делали, что играли в свои поросёньи игры, прыгали и кувыркались.

- Сегодня мы ещё погуляем, - говорили они, - а завтра с утра возьмёмся за дело.

Но и на следующий день они говорили то же самое.

И только тогда, когда большая лужа у дороги стала по утрам покрываться тоненькой корочкой льда, ленивые братья взялись наконец за работу.

Ниф-Ниф решил, что проще и скорее всего смастерить дом из соломы. Ни с кем не посоветовавшись, он так и сделал. Уже к вечеру его хижина была готова.

Ниф-Ниф положил на крышу последнюю соломинку и, очень довольный своим домиком, весело запел:

Хоть полсвета обойдёшь,
Обойдёшь, обойдёшь,
Лучше дома не найдёшь,
Не найдёшь, не найдёшь!

Напевая эту песенку, он направился к Нуф-Нуфу. Нуф-Нуф недалеке тоже строил себе домик. Он старался скорее покончить с этим скучным и неинтересным делом.

Сначала, так же как и брат, он хотел построить себе дом из соломы. Но потом решил, что в таком доме зимой будет очень холодно. Дом будет прочнее и теплее, если его построить из веток и тонких прутьев.

Так он и сделал.

Он вбил в землю колья, переплёл их прутьями, на крышу навалил сухих листьев, и к вечеру дом был готов.

Нуф-Нуф с гордостью обошёл его несколько раз кругом и запел:

У меня хороший дом,
Новый дом, прочный дом.
Мне не страшен дождь и гром,
Дождь и гром, дождь и гром!

Не успел он закончить песенку, как из-за куста выбежал Ниф-Ниф.

- Ну вот и твой дом готов! - сказал Ниф-Ниф брату. - Я говорил, что мы и одни справимся с этим делом! Теперь мы свободны и можем делать всё, что нам вздумается!

- Пойдём к Наф-Нафу и посмотрим, какой он себе выстроил дом! - сказал Нуф-Нуф. - Что-то мы его давно не видели!

- Пойдём посмотрим! - согласился Ниф-Ниф.

И оба брата, довольные тем, что им ни о чём больше не нужно заботиться, скрылись за кустами.

Наф-Наф вот уже несколько дней был занят постройкой. Он натаскал камней, намесил глины и теперь не спеша строил себе надёжный, прочный дом, в котором можно было бы укрыться от ветра, дождя и мороза.

Он сделал в доме тяжёлую дубовую дверь с засовом, чтобы волк из соседнего леса не мог к нему забраться.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф застали брата за работой.

- Что ты строишь?! - в один голос закричали удивлённые Ниф-Ниф и Нуф-Нуф. - Что это, дом для поросёнка или крепость?

- Дом поросёнка должен быть крепостью! - спокойно ответил им Наф-Наф, продолжая работать.

- Не собираешься ли ты с кем-нибудь воевать? - весело прохрюкал Ниф-Ниф и подмигнул Нуф-Нуфу.

И оба брата так развеселились, что их визг и хрюканье разнеслись далеко по лужайке.

А Наф-Наф как ни в чём не бывало продолжал класть каменную стену своего дома, мурлыча себе под нос песенку:

Я, конечно, всех умней,

Всех умней, всех умней!

Дом я строю из камней,

Из камней, из камней!

Никакой на свете зверь,

Хитрый зверь, страшный зверь,

Не ворвётся в эту дверь,

В эту дверь, в эту дверь!

- Это он про какого зверя? - спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа.

- Это ты про какого зверя? - спросил Нуф-Нуф у Наф-Нафа.

- Это я про волка! - ответил Наф-Наф и уложил ещё один камень.

- Посмотрите, как он боится волка! - сказал Ниф-Ниф.

- Он боится, что его съедят! - добавил Нуф-Нуф. И братья ещё больше развеселились.

- Какие здесь могут быть волки? - сказал Ниф-Ниф.

- Никаких волков нет! Он просто трус! - добавил Нуф-Нуф.

И оба они начали приплясывать и петь:

Нам не страшен серый волк,

Серый волк, серый волк!

Где ты ходишь, глупый волк,

Старый волк, страшный волк?

Они хотели подразнить Наф-Нафа, но тот даже не обернулся.

- Пойдём, Нуф-Нуф, - сказал тогда Ниф-Ниф. - Нам тут нечего делать!

И два храбрых братца пошли гулять.

По дороге они пели и плясали, а когда вошли в лес, то так расшумелись, что разбудили волка, который спал под сосной.

- Что за шум? - недовольно проворчал злой и голодный волк и поскакал к тому месту, откуда доносились визг и хрюканье двух маленьких глупых поросят.

- Ну какие тут могут быть волки! - говорил в это время Ниф-Ниф, который волков видел только на картинках.

- Вот мы его схватим за нос, будет знать! - добавил Нуф-Нуф, который тоже никогда не видел живого волка.

- Повалим, да ещё свяжем, да ещё ногой вот так, вот так! - расхвастался Ниф-Ниф и показал, как они будут расправляться с волком.

И братья опять развеселились и запели:

Нам не страшен серый волк,

Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

И вдруг они увидели настоящего живого волка! Он стоял за большим деревом, и у него был такой страшный вид, такие злые глаза и такая зубастая пасть, что у Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа по спинкам пробежал холодок и тонкие хвостики мелко-мелко задрожали. Бедные поросята не могли даже пошевелиться от страха.

Волк приготовился к прыжку, щёлкнул зубами, моргнул правым глазом, но поросята вдруг опомнились и, визжа на весь лес, бросились наутёк.

Никогда ещё не приходилось им так быстро бегать! Сверкая пятками и поднимая тучи пыли, поросята неслись каждый к своему дому.

Ниф-Ниф первый добежал до своей соломенной хижины и едва успел захлопнуть дверь перед самым носом волка.

- Сейчас же отопри дверь! - прорычал волк. - А не то я её выломаю!

- Нет, - прохрюкал Ниф-Ниф, - я не отопру! За дверью было слышно дыхание страшного зверя.

- Сейчас же отопри дверь! - прорычал опять волк. - А не то я так дуну, что весь твой дом разлетится!

Но Ниф-Ниф от страха ничего уже не мог ответить.

Тогда волк начал дуть: "Ф-ф-ф-у-у-у!"

С крыши дома слетали соломинки, стены дома тряслись.

Волк ещё раз глубоко вдохнул и дунул во второй раз: "Ф-ф-ф-у-у-у!"

Когда волк дунул в третий раз, дом разлетелся во все стороны, как будто на него налетел ураган.

Волк щёлкнул зубами перед самым пятачком маленького поросёнка. Но Ниф-Ниф ловко увернулся и бросился бежать. Через минуту он был уже у двери Нуф-Нуфа.

Едва успели братья запереться, как услышали голос волка:

- Ну, теперь я съем вас обоих!

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф испуганно поглядели друг на друга. Но волк очень устал и потому решил пойти на хитрость.

- Я передумал! - сказал он так громко, чтобы его слышали в домике. - Я не буду есть этих худосочных поросят! Я лучше пойду домой!

- Ты слышал? - спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа. - Он сказал, что не будет нас есть! Мы - худосочные!

- Это очень хорошо! - сказал Нуф-Нуф и сразу перестал дрожать.

Братьям стало весело, и они запели как ни в чём не бывало:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

А волк и не думал уходить. Он просто отошёл в сторонку и притаился. Ему было очень смешно. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. Как ловко он обманул двух глупых маленьких поросят!

Когда поросята совсем успокоились, волк взял овечью шкуру и осторожно подкрался к дому.

У дверей он накрылся шкурой и тихо постучал.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф очень испугались, когда слышали стук.

- Кто там? - спросили они, и у них снова затряслись хвостики.

- Это я-я-я, бедная маленькая овечка! - тонким чужим голосом пропищал волк. - Пустите меня переночевать, я отбилась от стада и очень устала!

- Пустить? - спросил брата добрый Ниф-Ниф.

- Овечку можно пустить! - согласился Нуф-Нуф. - Овечка - не волк!

Но когда поросята приоткрыли дверь, они увидели не овечку, а всё того же зубастого волка. Братья захлопнули дверь и изо всех сил налегли на неё, чтобы страшный зверь не смог к ним ворваться.

Волк очень рассердился. Ему не удалось перехитрить поросят. Он сбросил с себя овечью шкуру и зарычал:

- Ну, погодите же! От этого дома сейчас ничего не останется!

И он принялся дуть. Дом немного покосился. Волк дунул второй, потом третий, потом четвёртый раз.

С крыши слетали листья, стены дрожали, но дом всё ещё стоял.

И только когда волк дунул в пятый раз, дом зашатался и развалился. Одна только дверь некоторое время ещё стояла посреди развалин.

В ужасе бросились поросята бежать. От страха у них отнимались ноги, каждая щетинка дрожала, носы пересохли. Братья мчались к дому Наф-Нафа.

Волк нагонял их огромными скачками. Один раз он чуть не схватил Ниф-Нифа за заднюю ножку, но тот вовремя отдёрнул её и прибавил ходу.

Волк тоже поднажал. Он был уверен, что на этот раз поросята от него не убегут.

Но ему опять не повезло.

Поросята быстро промчались мимо большой яблони, даже не задев её. А волк не успел свернуть и налетел на яблоню, которая осыпала его яблоками. Одно твёрдое яблоко ударило ему между глаз. Большая шишка вскочила у волка на лбу.

А Ниф-Ниф и Нуф-Нуф ни живы ни мёртвы подбежали в это время к дому Наф-Нафа.

Брат впустил их в дом. Бедные поросята были так напуганы, что ничего не могли сказать.

Они молча бросились под кровать и там притаились. Наф-Наф сразу догадался, что за ними гнался волк. Но ему нечего было бояться в своём каменном доме. Он быстро закрыл дверь на засов, сел на табуреточку и громко запел:

Никакой на свете зверь,

Хитрый зверь, страшный зверь,

Не откроет эту дверь,

Эту дверь, эту дверь!

Но тут как раз постучали в дверь.

- Кто стучит? - спокойным голосом спросил Наф-Наф.

- Открывай без разговоров! - раздался грубый голос волка.

- Как бы не так! И не подумаю! - твёрдым голосом ответил Наф-Наф.

- Ах, так! Ну, держитесь! Теперь я съем всех троих!

- Попробуй! - ответил из-за двери Наф-Наф, даже не привстав со своей табуреточки.

Он знал, что ему и братьям нечего бояться в прочном каменном доме.

Тогда волк втянул в себя побольше воздуха и дунул как только мог! Но сколько бы он ни дул, ни один даже самый маленький камень не сдвинулся с места.

Волк посинел от натуги.

Дом стоял, как крепость. Тогда волк стал трясти дверь. Но дверь тоже не поддавалась.

Волк стал от злости царапать когтями стены дома и грызть камни, из которых они были сложены, но он только обломал себе когти и испортил зубы. Голодному и злому волку ничего не оставалось делать, как убираться восвояси.

Но тут он поднял голову и вдруг заметил большую широкую трубу на крыше.

- Ага! Вот через эту трубу я и проберусь в дом! - обрадовался волк.

Он осторожно влез на крышу и прислушался. В доме было тихо.

"Я всё-таки закушу сегодня свежей поросятинкой", - подумал волк и, облизнувшись, полез в трубу.

Но как только он стал спускаться по трубе, поросята услышали шорох. А когда на крышку котла стала сыпаться сажа, умный Наф-Наф сразу догадался, в чём дело.

Он быстро бросился к котлу, в котором на огне кипела вода, и сорвал с него крышку.

- Милости просим! - сказал Наф-Наф и подмигнул своим братьям.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф уже совсем успокоились и, счастливо улыбаясь, смотрели на своего умного и храброго брата.

Поросётам не пришлось долго ждать. Чёрный, как трубочист, волк бултыхнулся прямо в кипяток.

Никогда ещё ему не было так больно!

Глаза у него вылезли на лоб, вся шерсть поднялась дыбом.

С диким рёвом ошпаренный волк вылетел в трубу обратно на крышу, скатился по ней на землю, перекувырнулся четыре раза через голову, проехался на своём хвосте мимо запертой двери и бросился в лес.

А три брата, три маленьких поросёнка, глядели ему вслед и радовались, что они так ловко проучили злого разбойника.

А потом они запели свою весёлую песенку:

Хоть полсвета обойдёшь,

Обойдёшь, обойдёшь,

Лучше дома не найдёшь,

Не найдёшь, не найдёшь!

Никакой на свете зверь,

Хитрый зверь, страшный зверь,

Не откроет эту дверь,

Эту дверь, эту дверь!

Волк из леса никогда,

Никогда, никогда

Не вернётся к нам сюда,

К нам сюда, к нам сюда!

С этих пор братья стали жить вместе, под одной крышей.

Вот и всё, что мы знаем про трёх маленьких поросят - Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа.

Джанни Родари
Чем пахнут ремёсла?

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идёшь мастерской, -
Стружкой пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофёра
Пахнет бензином.
Блуза рабочего -
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате -
Лекарством приятным.

Рыхлой землёю,
Поле и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

Корней Чуковский

Федорино горе

1. Скачет сито по полям, А корыто по лугам. За лопатою метла Вдоль по улице пошла. Топоры-то, топоры Так и сыплются с горы. Испугалась коза, Растопырила глаза: "Что такое? Почему? Ничего я не пойму". 2 Но, как чёрная железная нога, Побежала, поскакала кочерга. И помчались по улице ножи: "Эй, держи, держи, держи, держи, держи!" И кастрюля на бегу Закричала утюгу: "Я бегу, бегу, бегу, Удержаться не могу!" Вот и чайник за кофейником бежит, Тараторит, тараторит, дребезжит... Утюги бегут покрякивают, Через лужи, через лужи перескакивают. А за ними блюдца, блюдца - Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля! Вдоль по улице несутся - Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля! На стаканы - дзынь!- натыкаются, И стаканы - дзынь!- разбиваются Тут Федорины коты Расфуфырили хвосты,	И бежит, бренчит, стучит сковорода: "Вы куда? куда? куда? куда? куда?" А за нею вилки, Рюмки да бутылки, Чашки да ложки Скачут по дорожке. Из окошка вывалился стол И пошёл, пошёл, пошёл, пошёл, пошёл... А на нём, а на нём, Как на лошади верхом, Самоварище сидит И товарищам кричит: "Уходите, бегите, спасайтесь!" И в железную трубу: "Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!" 3 А за ними вдоль забора Скачет бабушка Федора: "Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! Воротитесь домой!" Но ответило корыто: "На Федору я сердито!" И сказала кочерга: "Я Федоре не слуга!" А фарфоровые блюдца Над Федорою смеются: "Никогда мы, никогда Не воротимся сюда!" "Да,- промолвил медный таз,- Погляди-ка ты на нас:
--	---

Побежали во всю прыть. Чтоб посуду воротить: "Эй вы, глупые тарелки, Что вы скачете, как белки? Вам ли бегать за воротами С воробьями желторотыми? Вы в канаву упадёте, Вы утонете в болоте. Не ходите, погодите, Воротитесь домой!" Но тарелки вьются-вьются, А Федоре не даются: "Лучше в поле пропадём, А к Федоре не пойдём!" 4 Мимо курица бежала И посуду увидала: "Куд-куда! Куд-куда! Вы откуда и куда?!" И ответила посуда: "Было нам у бабы худо, Не любила нас она, Била, била нас она, Запылила, закоптила, Загубила нас она!" "Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Жить вам было нелегко!"	Мы поломаны, побиты, Мы помоями облиты. Загляни-ка ты в кадушку - И увидишь там лягушку. Загляни-ка ты в ушат - Тараканы там кишат, Оттого-то мы от бабы Убежали, как от жабы, И гуляем по полям, По болотам, по лугам, А к неряхе-замарахе Не воротимся!" 5 И они побежали лесочком, Поскакали по пням и по кочкам. А бедная баба одна, И плачет, и плачет она. Села бы баба за стол, Да стол за ворота ушёл. Сварила бы баба щи, Да кастрюлю поди поищи! И чашки ушли, и стаканы, Остались одни тараканы. Ой, горе Федоре, Горе! 6 А посуда вперёд и вперёд По полям, по болотам идёт. И чайник шепнул утюгу: "Я дальше идти не могу". И заплакали блюдца: "Не лучше ль вернуться?" И зарыдало корыто: "Увы, я разбито, разбито!"
--	---

7 Но блюдо сказала: "Гляди, Кто это там позади?"	Долго, долго целовала И ласкала их она,
---	--

И видят: за ними из тёмного бора Идёт-ковыляет Федора. Но чудо случилось с ней: Стала Федора добрей. Тихо за ними идёт И тихую песню поёт: "Ой вы, бедные сиротки мои, Утюги и сковородки мои! Вы подите-ка, немытые, домой, Я водою вас умою ключевой. Я почищу вас песочком, Окачу вас кипяточком, И вы будете опять, Словно солнышко, сиять, А поганых тараканов я повыведу, Прусаков и пауков я повымету!" И сказала скалка: "Мне Федору жалко". И сказала чашка: "Ах, она бедняжка!" И сказали блюдца: "Надо бы вернуться!" И сказали утюги: "Мы Федоре не враги!"	Поливала, умывала. Полоскала их она. "Уж не буду, уж не буду Я посуду обижать. Буду, буду я посуду И любить и уважать!" Засмеялись кастрюли, Самовару подмигнули: "Ну, Федора, так и быть, Рады мы тебя простить!" Полетели, Зазвенели Да к Федоре прямо в печь! Стали жарить, стали печь,- Будут, будут у Федоры и блины и пироги! А метла-то, а метла - весела - Заплясала, заиграла, замела, Ни пылинки у Федоры не оставила. И обрадовались блюдца: Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля! И танцуют и смеются - Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля! А на белой табуреточке Да на вышитой салфеточке Самовар стоит, Словно жар горит, И пытит, и на бабу поглядывает: "Я Федорушку прощаю, Сладким чаем угощаю. Кушай, кушай, Федора Егоровна!"
--	---

Зимовье зверей

Шел бык лесом, попадается ему навстречу баран.
- Куда, баран, идешь? - спросил бык.

- От зимы лета ищу, - говорит баран.

- Пойдем со мною!

Вот пошли они вместе, попадаетея им навстречу свинья.

- Куда, свинья, идешь? - спросил бык.

- От зимы лета ищу, - отвечает свинья.

- Иди с нами.

Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.

- Куда, гусь, идешь? - спрашивает бык.

- От зимы лета ищу, - отвечает гусь.

- Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.

- Куда, петух, идешь? - спросил бык.

- От зимы лета ищу, - отвечает петух.

- Иди за нами!

Вот они идут путем-дорогою и разговаривают промеж себя:

- Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?

Бык и сказывает:

- Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замерзнем.

Баран говорит:

- У меня шуба тепла - вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

- А по мне хоть какие морозы - я не боюсь: зарююсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

- А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую.

Петух говорит:

- А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую!

Бык видит - дело плохо, надо одному хлопотать.

- Ну, - говорит, - вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живет в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

- Пусти, брат, погреться.

- Нет, баран, у тебя шуба теплая; ты и так перезимуешь. Не пущу!

- А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твой избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: "Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит", - и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

- Пусти, брат, погреться.

- Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

- А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

- Пусти, брат, к себе погреться.

- Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!

- А непустишь, - говорит гусь, - так я весь мох из твоих стен повыщипываю, тебе же холоднее будет.

- Непустишь? - говорит петух. - Так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его?

Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

- Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, - быка, для тебя волк, - барана, а для себя - петуха.

- Хорошо, кумушка! - говорит медведь и волк. - Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдем же приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку.

- Иди ты вперед! А волк кричит:

- Нет, ты посильнее меня, иди ты вперед!

Ладно, пошел медведь; только что в двери - бык наклонил голову и припер его рогами к стенке. А баран разбежался да как бацнет медведя в бок - и сшиб его с ног. А свинья рвет и мечет в клочья. А гусь подлетел - глаза щиплет. А петух сидит на брису и кричит:

- Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услышали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:

- Ну, что было мне!.. Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошел я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьет, кто рвет, кто шилом в глаза колет.

А еще один на брису сидел да все кричал: "Подайте сюда, подайте сюда!" Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

Сергей Михалков

Дядя Степа

В доме восемь дробь один У заставы Ильича Жил высокий гражданин, По прозванью Каланча,	Сидя книги брал со шкапа. И не раз ему в кино Говорили: — Сядьте на пол, Вам, товарищ, все равно!
---	--

По фамилии Степанов И по имени Степан, Из районных великанов Самый главный великан. Уважали дядю Степу За такую высоту. Шел с работы дядя Степа — Видно было за версту. Лихо мерили шаги Две огромные ноги: Сорок пятого размера Покупал он сапоги. Он разыскивал на рынке Величайшие ботинки, Он разыскивал штаны Небывалой ширины. Купит с горем пополам, Повернется к зеркалам — Вся портновская работа Разъезжается по швам! Он через любой забор С мостовой глядел во двор. Лай собаки поднимали: Думали, что лезет вор. Брал в столовой дядя Степа Для себя двойной обед. Спать ложился дядя Степа — Ноги клал на табурет.	Но зато на стадион Проходил бесплатно он: Пропускали дядю Степу — Думали, что чемпион. От ворот и до ворот Знал в районе весь народ, Где работает Степанов, Где прописан, Как живет, Потому что всех быстрее, Без особенных трудов Он снимал ребятам змея С телеграфных проводов. И того, кто ростом мал, На параде поднимал, Потому что все должны Видеть армию страны. Все любили дядю Степу, Уважали дядю Степу: Был он самым лучшим другом Всех ребят со всех дворов. Он домой спешит с Арбата. — Как живешь?— кричат ребята. Он чихнет — ребята хором: — Дядя Степа, будь здоров! Дядя Степа утром рано Быстро вскакивал с дивана, Окна настежь открывал, Душ холодный принимал. Чистить зубы дядя Степа Никогда не забывал.
Человек сидит в седле, Ноги тащит по земле — Это едет дядя Степа По бульвару на осле. — Вам,— кричат Степану люди,— Нужно ехать на верблюде!	Дядя Степа просит кассу: — Я пришел на карнавал. Дайте мне такую маску, Чтоб никто не узнавал! — Вас узнать довольно просто,— Раздается дружный смех,—

На верблюде он поехал — Люди давятся со смеха: — Эй, товарищ, вы откуда? Вы раздавите верблюда! Вам, при вашей вышине, Нужно ехать на слоне! Дяде Степе две минуты Остается до прыжка. Он стоит под парашютом И волнуется слегка. А внизу народ хохочет: Вышка с вышки прыгать хочет! В тир, под низенький навес, Дядя Степа еле влез. — Разрешите обратиться, Я за выстрелы плачу. В этот шар и в эту птицу Я прицелиться хочу! Оглядев с тревогой тир, Говорит в ответ кассир: — Вам придется на колени, Дорогой товарищ, встать — Вы же можете мишени Без ружья рукой достать! До утра в аллеях парка Будет весело и ярко, Будет музыка греметь, Будет публика шуметь.	Мы узнаем вас по росту: Вы, товарищ, выше всех! Что случилось? Что за крик? — Это тонет ученик! Он упал с обрыва в реку — Помогите человеку! На глазах всего народа Дядя Степа лезет в воду. — Это необыкновенно!— Все кричат ему с моста.— Вам, товарищ, по колено Все глубокие места! Жив, здоров и невредим Мальчик Вася Бородин. Дядя Степа в этот раз Утопающего спас. За поступок благородный Все его благодарят. — Попросите что угодно,— Дяде Степе говорят. — Мне не нужно ничего — Я задаром спас его! Паровоз летит, гудит, Машинист вперед глядит. Машинист у полустанка Кочегару говорит: — От вокзала до вокзала Сделал рейсов я немало, Но готов идти на спор — Это новый семафор.
Подъезжают к семафору. Что такое за обман? Никакого семафора — У пути стоит Степан. Он стоит и говорит: — Здесь дождями путь размыт. Я нарочно поднял руку —	Но пожарникам в ответ Говорит Степанов: — Нет! Я на флот служить пойду, Если ростом подойду. В коридоре смех и шепот, В коридоре гул речей. В кабинете — дядя Степа

Показать, что путь закрыт. Что за дым над головой? Что за гром по мостовой? Дом пылает за углом, Сто зевак стоят кругом. Ставит лестницы команда, От огня спасает дом. Весь чердак уже в огне, Бьются голуби в окне. На дворе в толпе ребят Дяде Степе говорят: — Неужели вместе с домом Наши голуби сгорят? Дядя Степа с тротуара Достает до чердака. Сквозь огонь и дым пожара Тянется его рука. Он окошко открывает. Из окошка вылетают Восемнадцать голубей, А за ними — воробей. Все Степану благодарны: Спас он птиц, и потому Стать немедленно пожарным Все советуют ему.	На осмотре у врачей. Он стоит. Его нагнуться Просит вежливо сестра. — Мы не можем дотянуться! Объясняют доктора.— Все, от зрения до слуха, Мы исследуем у вас: Хорошо ли слышит ухо, Далеко ли видит глаз. Дядю Степу осмотрели, Проводили на весы И сказали: — В этом теле Сердце бьется, как часы! Рост велик, но ничего — Примем в армию его! Но вы в танкисты не годитесь: В танке вы не поместитесь! И в пехоту не годны: Из окопа вы видны! С вашим ростом в самолете Неудобно быть в полете: Ноги будут уставать — Вам их некуда девать! Для таких, как вы, людей Не бывает лошадей, А на флоте вы нужны — Послужите для страны! — Я готов служить народу,— Раздается Степин бас,— Я пойду в огонь и воду! Посылайте хоть сейчас!
---	---

Вот прошли зима и лето. И опять пришла зима. — Дядя Степа, как ты? Где ты? Нету с моря нам ответа, Ни открытки, ни письма...	Про войну и про бомбежку, Про большой линкор «Марат», Как я ранен был немножко, Защищая Ленинград. И теперь горды ребята —
---	---

И однажды мимо моста К дому восемь дробь один Дядистепиного роста Двигается гражданин. Кто, товарищи, знаком С этим видным моряком? Он идет, Скрипят снежинки У него под каблуком. В складку форменные брюки, Он в шинели под ремнем. В шерстяных перчатках руки, Якоря блестят на нем. Вот моряк подходит к дому, Всем ребятам незнакомый. И ребята тут ему Говорят: — А вы к кому? Дядя Степа обернулся, Поднял руку к козырьку И ответил: — Я вернулся. Дали отпуск моряку. Ночь не спал. Устал с дороги. Не привыкли к суше ноги. Отдохну. Надену китель. На диване посижу, После чая заходите — Сто историй расскажу!	Пионеры, октябрята, — Что знакомы с дядей Степой, С настоящим моряком. Он домой идет с Арбата. — Как живешь? — кричат ребята. И теперь зовут ребята Дядю Степу Маяком.
--	--

Дядя Степа — милиционер

Кто не знает дядю Степу? Дядя Степа всем знаком! Знают все, что дядя Степа Был когда-то моряком. Что давно когда-то жил он У заставы Ильича. И что прозвище носил он:	Если встанет на посту, Все увидят за версту! Возле площади затор — Поломался светофор: Загорелся желтый свет, А зеленого все нет... Сто машин стоят, гудят —
---	--

Дядя Степа — Каланча. И сейчас средь великанов, Тех, что знает вся страна, Жив-здоров Степан Степанов — Бывший флотский старшина. Он шагает по району От двора и до двора, И опять на нем погоны, С пистолетом кобура. Он с кокардой на фуражке, Он в шинели под ремнем, Герб страны блестит на пряжке — Отразилось солнце в нем! Он идет из отделения, И какой-то пионер Рот раскрыл от изумленья: «Вот так ми-ли-ци-о-нер!» Дядю Степу уважают Все, от взрослых до ребят, Встретят — взглядом провожают И с улыбкой говорят: — Да-а! Людей такого роста Встретить запросто не просто! Да-а! Такому молодцу Форма новая к лицу!	С места тронуться хотят. Три, четыре, пять минут Им проезда не дают. Тут сотруднику ОРУДа Дядя Степа говорит: — Что, братишка, дело худо? Светофор-то не горит! Из стеклянной круглой будки Голос слышится в ответ: — Мне, Степанов, не до шутки! Что мне делать, дай совет! Рассуждать Степан не стал — Светофор рукой достал, В серединку заглянул, Что-то где-то подвернул... В то же самое мгновенье Загорелся нужный свет. Восстановлено движенье, Никаких заторов нет! Нам ребята рассказали, Что Степана с этих пор Малыши в Москве прозвали: Дядя Степа — Светофор. Что случилось? На вокзале Плачет мальчик лет пяти. Потерял он маму в зале. Как теперь ее найти?
Все милицию зовут, А она уж тут как тут! Дядя Степа не спеша Поднимает малыша, Поднимает над собою, Над собой и над толпою Под высокий потолок: — Посмотри вокруг, сынок! И увидел мальчик: прямо,	Ни за что он их обидел У прохожих на виду, А потом трамвай увидел — Прицепился на ходу. На подножку встал ногой, Машет в воздухе другой! Он не знал, что дядя Степа Видит все издалека. Он не знал, что дядя Степа Не простит озорника.

У аптечного ларька, Утирает слезы мама, Потерявшая сына. Слышит мама голос Колин: — Мама! Мама! Вот где я!— Дядя Степа был доволен: «Не распалась семья!» Шел из школы ученик — Всем известный озорник. Он хотел созорничать, Но не знал, с чего начать. Шли из школы две подружки — В белых фартуках болтушки. В сумках — книжки и тетрадки, А в тетрадках все в порядке. Вдруг навстречу озорник, В ранце — с двойками дневник, Нет эмблемы на фуражке, И ремень уже без пряжки. Не успели ученицы От него посторониться — Он толкнул их прямо в грязь, Над косичками смеясь.	От дверей универмага Дядя Степа — в тот же миг Сделал три огромных шага Через площадь напрямик. На трамвайном повороте Снял с подножки сорванца: — Отвечайте: где живете? Как фамилия отца? С постовым такого роста Спорить запросто не просто. На реке и треск и гром — Ледоход и ледолом. Полоскала по старинке Бабка в проруби простынки. Треснул лед — река пошла, И бабуся поплыла. Бабка охает и стонет: — Ой, белье мое утонет! Ой! Попала я в беду! Ой, спасите! Пропаду! Дядя Степа на посту — Он дежурит на мосту. Дядя Степа сквозь туман Смотрит вдаль, как капитан. Видит — льдина. А на льдине Плачет бабка на корзине.
Не опишешь, что тут было! Дядя Степа — руки вниз, Перегнувшись за перила, Как над пропастью повис. Он успел схватить в охапку Перепуганную бабку, А старуха — за корзину: — Я белье свое не кину! Дядя Степа спас ее, И корзину, и белье.	Тут один папаша строгий Своего спросил сына: — Вероятно, эти ноги У команды «Спартака»? В разговор вмешалась мама: — Эти ноги у «Динамо». Очень жаль, что наш «Спартак» Не догонит их никак! В это время объявляют: Состязаниям конец.

Шли ребята мимо зданья, Что на площади Восстанья, Вдруг глядят — стоит Степан, Их любимый великан! Все застыли в удивленье: — Дядя Степа! Это вы? Здесь не ваше отделение И не ваш район Москвы! Дядя Степа козырнул, Улыбнулся, подмигнул: — Получил я пост почетный!— И теперь на мостовой, Там, где дом стоит высотный, Есть высотный постовой! Как натянутый платок, Гладко залитый каток. На трибунах все встают: Конькобежцам старт дают. И они бегут по кругу, А болельщики друг другу Говорят: — Гляди! Гляди! Самый длинный впереди! Самый длинный впереди, Номер «восемь» на груди!	Дядю Степу поздравляют: — Ну, Степанов! Молодец! Дядей Степою гордится Вся милиция столицы: Степа смотрит сверху вниз, Получает первый приз. Дяде Степе, как нарочно, На дежурство надо срочно. Кто сумел бы по пути Постового подвезти? Говорит один водитель, Молодой автолюбитель: — Вас подбросить к отделению Посчитал бы я за честь, Но, к большому сожалению, Вам в «Москвич» мой не залезть! — Эй, Степанов! Я подкину,— Тут другой шофер позвал.— Залезай ко мне в машину — В многотонный самосвал! В «Детском мире» — магазине, Где игрушки на витрине,— Появился хулиган. Он салазки опрокинул. Из кармана гвоздик вынул, Продырявил барабан.
Продавец ему: — Платите!— Он в ответ: — Не заплачу! — В отделение хотите?— Отвечает: — Да, хочу! Только вдруг у хулигана Сердце екнуло в груди: В светлом зеркале Степана Он увидел позади. — В отделение хотите? — Что вы! Что вы! Не хочу!	Я скажу вам по секрету, Что в милиции служу Потому, что службу эту Очень важной нахожу! Кто с жезлом и с пистолетом На посту зимой и летом? Наш советский постовой — Это — тот же часовой! Ведь недаром сторонится Милицейского поста

— Деньги в кассу заплатите! — Сколько нужно? Заплачу! Постовой Степан Степанов Был грозой для хулиганов. Как-то утром, в воскресенье, Вышел Степа со двора. Стоп! Ни с места! Нет спасенья: Облепила детвора. На начальство смотрит Витя, От смущенья морщит нос: — Дядя Степа! Извините! — Что такое? — Есть вопрос! Почему, придя с Балтфлота, Вы в милицию пошли? Неужели вы работу Лучше этой не нашли? Дядя Степа брови хмурит, Левый глаз немного щурит, Говорит: — Ну что ж, друзья! На вопрос отвечаю я!	И милиции боится Тот, чья совесть не чиста. К сожалению, бывает, Что милицией пугают Непослушных малышей. Как родителям не стыдно? Это глупо и обидно! И когда я слышу это, Я краснею до ушей... У ребят второго класса С дядей Степой больше часа Продолжался разговор. И ребята на прощанье Прокричали: — До свиданья! До свиданья! До свиданья! Дядя Степа — Светофор!
--	--

Волшебная дудочка

Как слышал сказку, так и рассказываю.

В стародавние годы жили да были муж с женой. И росла у них дочка пригожая. Всем девица взяла: и ростом, и дородством, и угожеством.

Глядя на нее, люди радовались: со всеми девушка приветливая, ласковая, обходительная. Всем торопилась помочь чем могла.

Но вот пристигло несчастье, пришла беда. Умерла у девушки мать.

Много ли, мало времени прошло - женился отец на вдове. А вдовица свою дочь в дом привела. И стало в семье четверо.

Сиротой жить нерадостно, а при мачехе стало и того хуже.

Родную дочь она нежила, тешила, а падчерицу невзлюбила с первого дня.

С петухами сирота вставала, слезами умывалась, до полуночи по хозяйству управлялась.

И пряла, и ткала, и по воду ходила, и дрова носила, и коров доила.

А злая баба только покрикивала:

- Неумелица ты, негодница! Хлебоежа на мою голову досталась!

Вот открыл как-то раз отец сундук, что от первой жены остался. А в сундуке и душегрея, мехом отороченная, и кокошник, жемчугами унизанный, и полусапожки сафьяновые, и перстенок золотой с камушком дорогим, и одёжа разная.

- Поделим поровну, и будет у наших дочерей приданое, - сказал отец.

А завистливая мачеха со своей дочерью затаили черную думу.

- Экое богатство делить на две доли, - мачеха шептала дочери. - Да с таким-то приданым мы и купеческого сына найдем. Не за мужика выйдешь, за лапотника. Только не оплошай! Прошло сколько-то времени после того разговора, собрались девушки по ягоды идти. А отец шутейно им и говорит:

- Ну вот, кто из вас больше ягод принесет, той при дележке приданого чуть побольше достанется.

Ходят девушки по лесу, аукаются, берут ягоды. А как за вечерело, сошлись они на полянке. Глянула мачехина дочь - батюшки светы! - у стариковой дочери корзинка полным-полна, а у нее всего ничего, лишь на донышке! Тут и припомнились материны речи: не делить приданого на две доли...

И как проходили через болото, выхватила мачехина дочь у сводной сестры корзину с ягодами и столкнула ее с перекладин-жердочек в бездонную топь.

- Тону я, погибаю, сестрица милая, - взмолилась девица, - помоги мне!

- Стану я тебе помогать! Тони, из этой топи не выкарабкаешься. А все приданое мне одной достанется! - крикнула мачехина дочь.

Перебралась через болото и бегом побежала домой. Дорогой пересыпала в свой кузов ягоды - чистые, крупные, одна к одной, а корзинку сводной сестры закопала в мох.

- Умница, моя разумница! - встретила ее мать. - Посмотри, старик, сколько ягод моя дочка набрала!

- А чего не вместе пришли? - спросил отец.

- Разошлись мы с ней, - ответила мачехина дочь, - аукалась я, аукалась, да никто мне не откликнулся; думаю, раньше меня набрала корзинку и ушла домой.

- Ну где ей, доченька, раньше тебя управиться. Уснула где-нибудь, вот и не услышала тебя! - засмеялась баба.

Вечер прошел, и ночь прошла.

Потру старик рано встал.

- Надо идти искать, - говорит, - видно, беда стряслась.

Собрал соседей. Пошли они в лес. И бабина дочь с ними.

- Вот здесь, - рассказывает, - мы разошлись и больше не виделись.

Ходили-ходили день с утра до вечера, да так ни с чем и воротились.

Лето уже на исходе. Идет-бредет по тем тропам старичок странник. Ступил на жердочки-перекладины, а на теплом месте растет травяная дудка. Срезал ту дудку старик, приложил к губам и только подул в нее, как слышит: заиграла, запела дудка, жалобно запричитала:

- Поиграй, поиграй, дедушка,

Поиграй, поиграй, родимый.

Нас было две сводные сестрицы,

И вот меня загубили,

За красные ягоды

Да за матушкино приданое

В гнилом болоте утопили!

И вот пришел старик странник поздно вечером в ту деревню, попросился в крайнюю избу ночевать, как раз в тот дом, где сирота-девица потерялась.

После ужина заговорил старик странник:

- Неподалеку от вашей деревни срезал я дудочку. Такая забавная: сама поет-выговаривает. Возьми-ка, хозяин, подуй в эту дудочку!

Чуть только подул хозяин в дудочку, как заговорила запела она:

- Поиграй, поиграй, дедушка,

Поиграй, поиграй, родимый.

Нас было две сводные сестрицы,

И вот меня загубили,

За красные ягодки

Да за матушкино приданое

В гнилом болоте утопили!

С лица старик сменился. Протянул дудочку падчерице:

- Ну-ка ты поиграй!

Только поднесла она дудочку к губам, как заиграла, запела дудочка:

- Поиграй, поиграй, сестрица сводная,

Поиграй, поиграй, лиходейка,

Поиграй, поиграй, душегубка!

Ты меня убила,

В гнилом болоте утопила,

За красные ягодки

Да за матушкино приданое

Жизни лишила!

Кинулся отец за понятыми. Девку-лиходейку, а заодно и мать, злую бабу, связали, приставили караул.

А отец с понятыми да со стариком странником на болото побежали. Поискали, поискали и в скором времени вытащили девушку. Обмыли ее, обрядили. Тут она открыла глаза, промолвила:

- Ой, как долго мне спалось да много во сне виделось! Не держи, родимый батюшка, ни бабы-лиходейки, ни дочери-злодейки. Не будет от них житья ни тебе, ни мне.

Простил отец на радости злую бабу и падчерицу-злодейку, прогнал их со двора:

- Ступайте, откуда пришли!

Крылатый, мохнатый да масленый.

На лесной опушке, в тепленькой избушке, жили-были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый да блин масленый.

Воробей с поля прилетел, мышонок от кота удрал, блин со сковороды убежал.

Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил — с полей зерен, из лесу грибов, с огорода бобов.

Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варил.

Хорошо жили. Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоется, сядет на лавку отдыхать. А мышь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашенные считает. А блин у печи — румян да пышен — щи варит, крупной солью солит, кашу пробует.

Сядут за стол — не нахвалятся. Воробей говорит:

— Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны!

А блин ему:

— А я, блин масленый, окунусь в горшок да вылезу — вот щи и жирные!

А воробей кашу ест, похваливает:

— Ай каша, ну и каша — горазд горяча!

А мышь ему:

— А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю — хорошо в печи огонь горит — вот и горяча!

— Да и я, — говорит воробей, — не промах: соберу грибов, натащу бобов — вот вы и сыты!

Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали.

Только раз призадумался воробей.

«Я, — думает, — целый день по лесу летаю, ножки бью, крылышки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит — нежится, а только к вечеру за обед берется. А мышь с утра дрова везет да грызет, а потом на печь заберется, на бок перевернется, да и спит до обеда. А я с утра до ночи на охоте — на тяжелой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей — ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать: — Завтра же работу поменяем!

Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и порешили. На другой день утром блин пошел на охоту, воробей — дрова рубить, а мышонок — обед варить.

Вот блин покатился в лес. Катится по дорожке и поет:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок,

На сметанке мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок!

Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикеевна.

— Ты куда, блинок, бежишь-спешишь?

— На охоту.

— А какую ты, блинок, песенку поешь?

Блин заскакал на месте да и запел:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок,

На сметанке мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок!

— Хорошо поешь, — говорит Лиса Патрикеевна, а сама ближе подбирается. — Так, говоришь, на сметане мешан?

А блин ей:

— На сметане да с сахаром!

А лиса ему:

— Прыг-скок, говоришь?

Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масленый бок — ам!

А блин кричит:

— Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами — на охоту!

А лиса ему:

— Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом да и с сахаром!

Блин бился, бился, еле от лисы вырвался, — бок в зубах оставил, — домой побежал!

А дома-то что делается!

Стала мышка щи варить: чего ни положит, а щи все не жирны, не хороши, не маслены. «Как, — думает, — блин щи варил? А, да он в горшок нырнет да выплывет, и станут щи жирные!»

Взяла мышка да и кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила! Шубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слезы льет.

А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелкие щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слезы льет. Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке — клюв на сторону, слезами воробей заливается. Прибежал блин в избу — сидит мышь на лавке, шубка у ней повылезла, хвостик дрожмя дрожит.

Как увидели, что у блина полбока съедено, еще пуще заплакали.

Тут блин и говорит:

— Так всегда бывает, когда один на другого кивает, свое дело делать не хочет.

Тут воробей со стыда под лавку забился.

Ну, делать нечего, поплакали-погоревали, да и стали снова жить-поживать по-старому: воробей еду приносить, мышь дрова рубить, а блин щи да кашу варить.

Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.

Николай Носов

Заплата

Бобки были замечательные штаны: зеленые, вернее сказать, защитного цвета. Бобка их очень любил и всегда хвастался:

- Смотрите, ребята, какие у меня штаны. Солдатские!

Все ребята, конечно, завидовали. Ни у кого больше таких зеленых штанов не было.

Однажды Бобка полез через забор, зацепился за гвоздь и порвал эти замечательные штаны. От досады он чуть не заплакал, пошел поскорее домой и стал просить маму зашить.

Мама рассердилась:

- Ты будешь по заборам лазить, штаны рвать, а я зашивать должна?

- Я больше не буду! Зашей, мама!

- Сам зашей.

- Так я же ведь не умею!

- Сумел порвать, сумей и зашить.
- Ну, я так буду ходить, - проворчал Бобка и пошел во двор.

Ребята увидели, что у него на штанах дырка, и стали смеяться.

- Какой же ты солдат, - говорят, - если у тебя штаны порваны?

А Бобка оправдывается:

- Я просил маму зашить, а она не хочет.
- Разве солдатам мамы штаны зашивают? - говорят ребята. - Солдат сам должен уметь все делать: и заплатку поставить и пуговицу пришить.

Бобке стало стыдно.

Пошел он домой, попросил у мамы иголку, нитку и лоскуток зеленой материи. Из материи он вырезал заплатку величиной с огурец и начал пришивать ее к штанам.

Дело это было нелегкое. К тому же Бобка очень спешил и колол себе пальцы иголкой.

- Чего ты колешься? Ах ты, противная! - говорил Бобка иголке и старался схватить ее за самый кончик, так чтоб не уколоться.

Наконец заплатка была пришита. Она торчала на штанах, словно сушеный гриб, а материя вокруг сморщилась так, что одна штанина даже стала короче.

- Ну, куда же это годится? - ворчал Бобка, разглядывая штаны. - Еще хуже, чем было!

Придется все наново переделывать.

Он взял ножик и отпорол заплатку. Потом расправил ее, опять приложил к штанам, хорошенько обвел вокруг заплатки чернильным карандашом и стал пришивать ее снова. Теперь он шил не спеша, аккуратно и все время следил, чтобы заплатка не вылезала за черту.

Он долго возился, сопел и кряхтел, зато, когда все сделал, на заплатку было любо взглянуть. Она была пришита ровно, гладко и так крепко, что не отодрать и зубами.

Наконец Бобка надел штаны и вышел во двор. Ребята окружили его.

- Вот молодец! - говорили они. - А заплатка, смотрите, карандашом обведена. Сразу видно, что сам пришивал.

А Бобка вертелся во все стороны, чтобы всем было видно, и говорил:

- Эх, мне бы еще пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась!
- Ну ничего. Когда-нибудь оторвется - обязательно сам пришью.

Алексей Пантелеев

В ЛЕСУ

Однажды вечером, когда мама укладывала девочек спать, она им сказала:

- Если завтра с утра будет хорошая погода, мы с вами пойдем - знаете куда?

- Куда?

Мама говорит:

- А ну, угадайте.
- На море?
- Нет.
- Цветы собирать?
- Нет.
- А куда же тогда?

Белочка говорит:

- А я знаю куда. Мы в лавку за керосином пойдем.
- Нет, - говорит мама.
- Если завтра с утра будет хорошая погода, мы с вами пойдем в лес за грибами.

Белочка и Тamarочка так обрадовались, так запрыгали, что чуть не свалились со своих кроваток на пол.

Еще бы!.. Ведь они еще никогда в жизни не были в лесу. Цветы они собирали. На море купаться ходили. Даже в лавку за керосином с мамой ходили. А вот в лес их еще никогда, ни одного раза не брали. И грибы они до сих пор только жареные видели - на тарелках. От радости они долго не могли заснуть. Они долго ворочались в своих маленьких кроватках и все думали: какая завтра будет погода?

"Ох, - думают, - только бы не плохая была. Только бы солнышко было".

Утром они проснулись и сразу:

- Mamочка! Какая погода?

А мама им говорит:

- Ох, доченьки, погода неважная. Тучи по небу ходят.

Выбежали девочки в сад и чуть не заплакали.

Видят, и правда: все небо в тучах, а тучи такие страшные, черные вот-вот дождик закапает.

Мама видит, что девочки приуныли, и говорит:

- Ну, ничего, доченьки. Не плачьте. Может быть, их разгонит, тучи-то...

А девочки думают:

"Кто же их разгонит? Кому в лес не идти - тому все равно. Тому тучи не мешают. Надо нам самим разгонять".

Вот стали они бегать по саду и разгонять тучи. Стали руками махать. Бегают, машут и говорят:

- Эй, тучи! Уходите, пожалуйста! Убирайтесь! Вы нам мешаете в лес идти.

И то ли они хорошо махали, то ли тучам самим надоело на одном месте стоять, только вдруг поползли они, поползли, и не успели девочки оглянуться, - показалось на небе солнце, заблестела трава, зачирикали птички...

- Mamочка!

- закричали девочки.

- Посмотри-ка: тучки-то испугались! Убежали!

Мама в окно посмотрела и говорит:

- Ах! Где же они?

Девочки говорят:

- Убежали...

- Вот вы молодцы какие!- говорит мама.

- Ну что ж, теперь можно и в лес идти. Давайте, ребята, одевайтесь скорей, а то они еще раздумают, тучи-то, - обратно придут.

Девочки испугались и побежали скорей одеваться. А мама в это время сходила к хозяйке и принесла от нее три корзины: одну большую корзину - для себя и две маленьких корзиночки - для Белочки и Тamarочки. Потом они попили чаю, позавтракали и пошли в лес.

Вот они пришли в лес. А в лесу тихо, темно и никого нет. Одни деревья стоят.

Белочка говорит:

- Mamочка! А волки здесь есть?

- Здесь, на опушке, нет, - говорит мама, - а подальше туда - в глубине леса - там, говорят, их очень много.

- Ой, - говорит Белочка.

- Я тогда боюсь.

Мама говорит:

- Ничего, не бойся. Мы с вами очень далеко не пойдем. Мы здесь на опушке будем грибы собирать.

Белочка говорит:

- Mamочка! А какие они, грибы? Они на деревьях растут? Да?

Тамарочка говорит:

- Глупая! Разве грибы на деревьях растут? Они на кусточках растут, как ягодки.

- Нет, - говорит мама, - грибы растут на земле, под деревьями. Вот вы сейчас увидите. Давайте искать.

А девочки и не знают, как их искать - грибы. Мама идет, под ноги себе смотрит, направо смотрит, налево смотрит, каждое дерево обходит, каждый пенечек разглядывает. А девочки сзади идут и не знают, что делать.

- Ну, вот, - говорит мама.

- Идите сюда скорей. Я нашла первый гриб.

Девочки прибежали и говорят:

- Покажи, покажи!

Видят - стоит под деревом маленький, беленький грибочек. Такой маленький, что его и не видно почти, - из земли одна только шапочка торчит.

Мама говорит:

- Это самый вкусный гриб. Он называется: белый гриб. Видите, какая у него головка светленькая? Совсем как у Белочки.

Белочка говорит:

- Нет, у меня лучше.

Тамарочка говорит:

- Зато тебя есть нельзя.

Белочка говорит:

- Нет, можно.

- А ну, давай съем, - говорит Тамарочка.

Мама говорит:

- Хватит вам, девочки, спорить. Давайте лучше дальше грибы собирать. Вот видите - еще один!

Присела мама на корточки и срезает ножом еще грибок. У этого грибка шапочка маленькая, а ножка длинная, мохнатая, как у собачки.

- Этот, - говорит мама, - называется подберезовик. Видите, он под березой растет. Потому он так и называется - подберезовик. А вот это маслениши. Посмотрите, какие у них шапочки блестящие.

- Ага, - говорят девочки, - как будто маслом намазаны.

- А вот это - сыроежки.

Девочки говорят:

- Ой, какие хорошенькие!

- А вы знаете, почему они называются сыроежки?

- Нет, - говорит Белочка.

А Тамарочка говорит:

- А я знаю.

- Почему?

- Наверно, из них сыр делают?

- Нет, - говорит мама, - вовсе не потому.

- А почему?

- А потому они называются сыроежками, что их в сыром виде кушают.

- Как в сыром? Так просто - не вареные, не жареные?

- Да, - говорит мама.

- Их моют, чистят и кушают с солью.

- А без соли?

- А без соли нельзя, невкусно.

- А если с солью?

- С солью - можно.

Белочка говорит:

- А если без соли - что?

Мама говорит:

- Я уже сказала, что без соли их есть нельзя.

Белочка говорит:

- А с солью можно, значит?

Мама говорит:

- Фу ты, какая бестолковая!

Рассердилась мама, взяла корзинку и дальше пошла. Идет и все время нагибается, все время грибы находит. А девочки сзади плетутся с пустыми корзинками, сами ничего не находят и только спрашивают все время:

- А это какой гриб? А это какой гриб?

И мама им все объясняет:

- Это вот красный гриб. Подосиновик. Это груздик. Это - опенки.

Потом она вдруг под одним деревом остановилась и говорит:

- А это вот, девочки, это очень нехорошие грибы. Вы видите? Их есть нельзя. От них заболеть можно и даже умереть. Это поганые грибы.

Девочки испугались и спрашивают:

- А как они называются, поганые грибы?

Мама говорит:

- Они так и называются - поганки.

Белочка села на корточки и спрашивает:

- Мамочка! А потрогать их можно?

Мама говорит:

- Потрогать можно.

Белочка говорит:

- А я не умру?

Мама говорит:

- Нет, не умрешь.

Тогда Белочка потрогала одним пальцем поганку и говорит:

- Ой, как жаль неужели их даже с солью кушать нельзя?

Мама говорит:

- Нет, даже с сахаром нельзя.

У мамы уж полная корзина, а у девочек ни одного грибка.

Вот мама и говорит:

- Девочки! Что же вы грибы не собираете?

А они говорят:

- Как же нам собирать, если ты все одна находишь? Мы только подойдем, а ты уже и нашла.

Мама говорит:

- А вы сами и виноваты. Зачем же вы за мной, как хвостики, бегаєте?

- А как же нам бегать?

- Бегать и не нужно совсем. Надо в других местах искать. Я здесь ищу, а вы куда-нибудь в сторону идите.

- Да! А если мы потеряемся?

- А вы кричите все время "ау", вот и не потеряетесь.

Белочка говорит:

- А если ты потеряешься?

- И я не потеряюсь. Я тоже буду кричать "ау".

Вот они так и сделали. Мама пошла по тропинке вперед, а девочки свернули в сторону и зашагали в кусты. И оттуда, из-за кустов, кричат:

- Мамочка! Ау!

А мама им отвечает:

- Ау, доченьки!

Потом опять:

- Мамочка! Ау!

И мама им:

- Я здесь, доченьки! Ау!

Аукали они так, аукали, и вдруг Тamarочка говорит:

- Знаешь что, Белочка? Давай нарочно сядем за кустиком и будем молчать.

Белочка говорит:

- Это зачем?

- А так просто. Нарочно. Пускай она думает, что нас волки съели.

Мама кричит:

- Ау! Ау!

А девочки сидят себе за кустом и молчат. И не откликаются. Как будто их и в самом деле волки съели.

Мама кричит:

- Девочки! Доченьки! Да где же вы? Что с вами?.. Ау! Ау!

Белочка говорит:

- Давай побежим, Тamarочка! А то она еще уйдет, - потеряемся.

А Тamarочка говорит:

- Ладно. Сиди, пожалуйста. Успеем. Не потеряемся.

А мама все дальше и дальше уходит. Все тише и тише ее голос:

- Ау! Ау! Ау!.. И вдруг совсем тихо стало.

Тогда вскочили девочки. Выбежали из-за куста. Думают - надо маму позвать.

Закричали они:

- Ау! Мамочка!

А мама и не отвечает. Мама уж далеко ушла, не слышит их мама.

Испугались девочки. Забегали. Стали кричать:

- Мамочка! Ау! Мамочка! Мама! Где ты?

А вокруг - тихо, тихо. Только деревья над головами скрипят.

Поглядели девочки друг на дружку. Белочка вся побледнела, заплакала и говорит:

- Вот что ты наделала, Тamarка! Наверно, теперь мамочку нашу волки съели.

Стали они еще громче кричать. Кричали, кричали, пока не охрипли совсем.

Тогда и Тamarочка заплакала. Не выдержала Тamarочка.

Сидят обе девочки на земле, под кустом, плачут и не знают, что делать, куда идти.

А идти куда-нибудь надо. Ведь в лесу жить нельзя. В лесу - страшно.

Вот поплакали они, подумали, повздыхали, да и пошли потихоньку. Идут со своими пустыми корзинками - Тamarочка впереди, Белочка сзади - и вдруг видят: полянка, а на полянке этой очень много грибов. И все грибы разные. Одни маленькие, другие побольше, у одних шапочки беленькие, у других желтенькие, у третьих еще какие-нибудь...

Обрадовались девочки, даже плакать перестали и кинулись собирать грибы.

Белочка кричит:

- Я подберезовик нашла!

Тamarочка кричит:

- А я целых два нашла!

- А я, кажется, маслениш нашла.

- А я - сыроежек целую кучу...

Увидят - под березой гриб растет, - значит, подберезовик. Увидят шапочка будто маслом намазана - значит, маслениш. Шапочка светленькая значит, белый гриб.

Не успели оглянуться, - у них уже полные корзинки.

Столько набрали, что даже не поместилось все. Даже пришлось очень много грибов оставить.

Вот взяли они свои полные корзинки и пошли дальше. А идти им теперь тяжело.

Корзинки у них тяжелые. Белочка еле-еле плетется. Она говорит:

- Тamarочка, я устала. Я не могу больше. Я есть хочу.

А Тamarочка говорит:

- Не хнычь, пожалуйста. Я тоже хочу.

Белочка говорит:

- Я супу хочу.

Тamarочка говорит:

- Где ж я тебе тут возьму суп! Тут супов нет. Тут - лес.

Потом помолчала, подумала и говорит:

- Знаешь что? Давай грибы есть.

Белочка говорит:

- Как же их есть?

- А сыроежки?!

Вот высыпали они поскорей грибы на землю и стали их разбирать. Стали искать, которые среди них сыроежки. А грибы у них все перемешались, ножки у них отвалились, не поймешь, где что...

Тamarочка говорит:

- Эта вот сыроежка.

А Белочка говорит:

- Нет, эта!..

Спорили они, спорили и наконец отобрали штук пять или шесть самых лучших.

"Вот эти уж, - думают, - обязательно сыроежки".

Тamarочка говорит:

- Ну, начинай, Белочка, кушай.

Белочка говорит:

- Нет, лучше ты начинай. Ты - старшая.

Тamarочка говорит:

- Не спорь, пожалуйста. Маленькие всегда первые грибы едят.

Тогда Белочка взяла самый маленький грибок, понюхала его, вздохнула и говорит:

- Фу, как пахнет противно!

- А ты не нюхай. Зачем ты нюхаешь?

- Как же его не нюхать, если он пахнет?

Тamarочка говорит:

- А ты его суй прямо в рот, вот и все.

Зажмурилась Белочка, открыла рот и хотела уже сунуть туда свой грибок. Вдруг

Тamarочка закричала:

- Белочка! Стой!

- Что? - говорит Белочка.

- А соли-то у нас нет, - говорит Тamarочка.

- Я и забыла совсем. Ведь без соли их есть нельзя.

- Ой, правда, правда! - сказала Белочка.

Обрадовалась Белочка, что не нужно гриб кушать. Уж очень ей страшно было. Уж очень плохо он пахнет, этот гриб.

Так и не пришлось им сыроежек попробовать.

Сложили они свои грибы обратно в корзинки, встали и поплелись дальше.

И вдруг, не успели они и трех шагов сделать, где-то далеко-далеко гром загремел. Вдруг ветер подул. Темно стало. И не успели девочки оглянуться пошел дождь. Да такой сильный, такой страшный, что девочкам показалось, будто на них сразу из десяти бочек вода полилась.

Испугались девочки. Побежали. И сами не знают, куда бегут. В лицо им ветки стегают. Ноги им елки царапают. А сверху так и течет, так и хлещет.

Промокли насквозь девчонки.

Наконец добежали они до какого-то высокого дерева и под этим деревом спрятались.

Сели на корточки и дрожат. И даже плакать боятся.

А над головой у них гром гремит. Молния все время сверкает. То вдруг светло-светло станет, то вдруг опять темно. Потом опять светло, потом опять темно. И дождь все идет, идет, идет и переставать не хочет.

И вдруг Белочка говорит:

- Тamarочка, посмотри-ка: брусничка!

Тамарочка посмотрела и видит: действительно, совсем близко от дерева растет под кустом брусника.

А сорвать ее девочки не могут. Им дождик мешает. Они под деревом сидят, на брусничку смотрят и думают:

"Ох, поскорей бы дождик кончался!"

Только дождь кончился - они сразу бруснику рвать. Рвут ее, торопятся, прямо горстями в рот пихают. Вкусная брусника. Сладкая. Сочная.

Вдруг Тамарочка побледнела и говорит:

- Ой, Белочка!

- Что?- говорит Белочка.

- Ой, посмотри: волк шевелится.

Посмотрела Белочка, видит: и верно, что-то шевелится в кустах. Какой-то зверь мохнатый.

Закричали девочки и кинулись со всех ног бежать. А зверь за ними несется, храпит, фыркает...

Вдруг Белочка споткнулась и упала. А Тамарочка на нее налетела и тоже упала. И грибы у них все по земле раскатились.

Лежат девочки, съежились и думают:

"Ну, наверно, сейчас нас волк есть будет". Слышат - уже подходит. Уже ногами стучит.

Тогда Белочка голову подняла и говорит:

- Тамарочка! Да это не волк.

- А кто это?- говорит Тамарочка.

- Это теленок.

А теленок вышел из-за куста, посмотрел на них и говорит:

- Му-у-у...

Потом подошел, понюхал грибы - не понравились ему, поморщился и пошел дальше.

Тамарочка встала и говорит:

- Ох, какие мы глупые!

Потом говорит:

- Знаешь что, Белочка? Теленок - он, наверно, умный зверь. Давай куда он пойдет, туда и мы пойдем.

Вот они быстренько собрали свои грибы и побежали догонять теленка.

А теленок увидел их, испугался да как пустится бежать.

А девочки за ним. Они кричат:

- Теленок! погоди, пожалуйста! Не убегай!

А теленок все шибче и шибче бежит. Девочки еле-еле за ним поспевают.

И вдруг видят девочки - лес кончается. И стоит дом. А около дома забор. И около забора - железная дорога, рельсы блестят.

Теленок подошел к забору, голову поднял и говорит:

- Му-у-у...

Тогда выходит из дома какой-то старик. Он говорит:

- А, это ты, Васька? А я думал, это поезд гудит. А ну, иди спать, Васька.

Потом увидел девочек и спрашивает:

- А вы кто такие?

Они говорят:

- А мы заблудились. Мы - девочки.

- А как же вы заблудились, девочки?

- А мы, - говорят, - от мамочки спрятались, думали, что нарочно, а мамочка в это время ушла.

- Ах вы, какие нехорошие! А где вы живете? Вы адрес знаете?

Они говорят:

- Мы на зелененькой дачке живем.

- Ну, это не адрес. Зелененьких дачек много. Может быть, их сто дач, зеленых-то...

Они говорят:

- У нас сад.

- Садов тоже много.

- У нас окна, двери...

- Окна и двери тоже во всех домах бывают.

Подумал старик и говорит:

- Вы вот что... Вы, наверное, на станции Разлив живете?

- Да, да, - говорят девочки.

- Мы на станции Разлив живем.

- Тогда вот что, - говорит старик, - идите по этой тропиночке, около рельсов. Идите все прямо и придете к вокзалу. А там спросите.

"Ну, - думают девочки, - нам бы только до вокзала дойти, а там-то уж мы найдем".

Поблагодарили старика и пошли по тропиночке.

Отошли немного, Тamarочка и говорит:

- Ах, Белочка, какие мы с тобой невежливые!

Белочка говорит:

- А что? Почему?

Тамарочка говорит:

- Теленочку-то мы спасибо не сказали. Ведь это он нам дорогу показал.

Хотели вернуться, да думают: "Нет, лучше домой поскорей пойдем. А то еще опять потеряемся".

Идут и думают: "Только бы мамочка дома была. А что, если мамы нету? Что мы тогда делать будем?"

А мама ходила, ходила по лесу, кричала, кричала девочек, не докричалась и пошла домой.

Пришла, сидит на крылечке и плачет.

Приходит хозяйка и спрашивает:

- Что с вами, Марья Петровна?

А она говорит:

- У меня девочки потерялись.

Только сказала это - вдруг видит: идут ее девочки. Белочка впереди идет, Тамарочка сзади. И обе девочки грязные-грязные, мокрые-премокрые.

Мама говорит:

- Девочки! Что вы со мной делаете? Где вы пропадали? Разве можно так?

А Белочка кричит:

- Мамочка! Ау! Обед готов?

Побранила мама как следует девочек, потом покормила их, переодела и спрашивает:

- Ну, как - страшно было в лесу-то?

Тамарочка говорит:

- Мне так нисколечко.

А Белочка говорит:

- А мне так сколечко.

Потом говорит:

- Ну, ничего... Зато посмотри, мамочка, сколько мы с Тамарой грибов набрали.

Притащили девочки свои полные корзинки, поставили их на стол...

- Во!- говорят.

Стала мама грибы разбирать и ахнула.

- Девочки!- говорит.

- Миленькие! Так ведь вы ж одних поганок набрали!

- Как поганок?

- Ну конечно, поганок. И это поганка, и это поганка, и эта, и эта, и эта...

Девочки говорят:

- А мы их есть хотели.

Мама говорит:

- Что вы?! Девочки! Разве можно? Это ж поганые грибы. От них животы заболят, от них умереть можно. Их все, все на помойную яму выбросить надо.

Девочкам стало жалко грибов. Они обиделись и говорят:

- Зачем выбрасывать? Не надо выбрасывать. Мы лучше их куклам нашим отдадим. У нас куколочки хорошие, не капризные, они все кушают...

Белочка говорит:

- Они даже песочек кушают.

Тамарочка говорит:

- Даже траву кушают.

Белочка говорит:

- Даже пуговицы кушают.

Мама говорит:

- Ну вот и хорошо. Устройте вашим куклам праздник и угостите их поганками.

Девочки так и сделали.

Сварили они из поганок обед. На первое суп из поганок, на второе котлеты из поганок, и даже на сладкое - компот из поганок сварили.

И куклы у них все это съели - и суп, и котлеты, и компот, - и ничего, не жаловались, не капризничали. А может быть, у них и болели животики - кто их знает. Они ведь народ неразговорчивый.

Алексей Пантелеев БОЛЬШАЯ СТИРКА

Один раз мама пошла на рынок за мясом. И девочки остались одни дома. Уходя, мама велела им хорошо себя вести, ничего не трогать, со спичками не играть, на подоконники не лазать, на лестницу не выходить, котенка не мучить. И обещала им принести каждой по апельсину.

Девочки закрыли за мамой на цепочку дверь и думают: "Что же нам делать?" Думают: "Самое лучшее - сядем и будем рисовать". Достали свои тетрадки и цветные карандаши, сели за стол и рисуют. И все больше апельсины рисуют. Их ведь, вы знаете, очень нетрудно рисовать: какую-нибудь картошину намазюкал, красным карандашом размалевал и - готово дело - апельсин.

Потом Тамарочке рисовать надоело, она говорит:

- Знаешь, давай лучше писать. Хочешь, я слово "апельсин" напишу?

- Напиши, - говорит Белочка.

Подумала Тamarочка, голову чуть-чуть наклонила, карандаш послунила и готово дело - написала: ОПЕЛСИН

И Белочка тоже две или три буквы нацарапала, которые умела.

Потом Тamarочка говорит:

- А я не только карандашом, я и чернилами писать умею. Не веришь? Хочешь, напишу?

Белочка говорит:

- А где ж ты чернила возьмешь?

- А у папы на столе - сколько хочешь. Целая банка.

- Да, - говорит Белочка, - а ведь мама нам не позволила трогать на столе.

Тamarочка говорит:

- Подумаешь! Она про чернила ничего не говорила. Это ведь не спички чернила-то.

И Тamarочка сбегала в папину комнату и принесла чернила и перо. И стала писать. А писать она хоть и умела, да не очень. Стала перо в бутылку окунать и опрокинула бутылку. И все чернила на скатерть вылились. А скатерть была чистая, белая, только что посланная.

Ахнули девочки.

Белочка даже чуть на пол со стула не упала.

- Ой, - говорит, - ой... ой... какое пятнище!..

А пятнище все больше и больше делается, растет и растет. Чуть не на полскатерти кляксу поставили.

Белочка побледнела и говорит:

- Ой, Тamarочка, нам попадет как!

А Тamarочка и сама знает, что попадет. Она тоже стоит - чуть не плачет. Потом подумала, нос почесала и говорит:

- Знаешь, давай скажем, что это кошка чернила опрокинула!

Белочка говорит:

- Да, а ведь врать нехорошо, Тamarочка.

- Я и сама знаю, что нехорошо. А что же нам делать тогда?

Белочка говорит:

- Знаешь что? Давай лучше выстираем скатерть!

Тamarочке это даже понравилось. Она говорит:

- Давай. А только в чем же ее стирать?

Белочка говорит:

- Давай, знаешь, в кукольной ванночке.

- Глупая. Разве скатерть в кукольную ванночку залезет? А ну, тащи сюда корыто!

- Настоящее?..

- Ну конечно, настоящее.

Белочка испугалась. Говорит:

- Тamarочка, ведь мама же нам не позволила...

Тamarочка говорит:

- Она про корыто ничего не говорила. Корыто - это не спички. Давай, давай скорее...

Побежали девочки на кухню, сняли с гвоздя корыто, налили в него из-под крана воды и потащили в комнату. Табуретку принесли. Поставили корыто на табуретку.

Белочка устала - еле дышит.

А Тamarочка ей и отдохнуть не дает.

- А ну, - говорит, - тащи скорей мыло!

Побежала Белочка. Приносит мыло.

- Синьку еще надо. А ну - тащи синьку!

Побежала Белочка синьку искать. Нигде найти не может. Прибегает:

- Нет синьки.

А Тamarочка уже со стола скатерть сняла и опускает ее в воду. Страшно опускать - сухую-то скатерть в мокрую воду. Опустила все-таки. Потом говорит:

- Не надо синьки.

Посмотрела Белочка, а вода в корыте - синяя-пресиняя.

Тамарочка говорит:

- Видишь, даже хорошо, что пятно поставили. Можно без синьки стирать.

Потом говорит:

- Ой, Белочка!

- Что?- говорит Белочка.

- Вода-то холодная.

- Ну и что?

- В холодной же воде белье не стирают. В холодной только полощут.

Белочка говорит:

- Ну, ничего, давай тогда полоскать.

Испугалась Белочка: вдруг ее Тамарочка еще и воду заставит кипятить.

Стала Тамарочка скатерть мылом намыливать. Потом стала тискать ее, как полагается. А вода все темней и темней делается.

Белочка говорит:

- Ну, наверно, уже можно выжимать.

- А ну, давай посмотрим, - говорит Тамарочка.

Вытащили девочки из корыта скатерть. А на скатерти только два маленьких белых пятнышка. А вся скатерть - синяя.

- Ой, - говорит Тамарочка.

- Надо воду менять. Тащи скорей чистой воды.

Белочка говорит:

- Нет, теперь ты тащи. Я тоже хочу постирать.

Тамарочка говорит:

- Еще что! Я пятно поставила, я и стирать буду.

Белочка говорит:

- Нет, теперь я буду.

- Нет, не будешь!

- Нет, буду!..

Заплакала Белочка и двумя руками вцепилась в корыто. А Тамарочка за другой конец ухватилась. И корыто у них закачалось, как люлька или качели.

- Уйди лучше, - закричала Тамарочка.

- Уйди, честное слово, а не то я в тебя сейчас водой брызну.

Белочка, наверно, испугалась, что она и в самом деле брызнет, отскочила, корыто выпустила, а Тамарочка его в это время как дернет - оно кувырком, с табуретки - и на пол. И, конечно, вода из него тоже на пол. И потекла во все стороны.

Вот тут-то уж девочки испугались по-настоящему.

Белочка от страха даже плакать перестала.

А вода уж по всей комнате - и под стол, и под шкаф, и под рояль, и под стулья, и под диван, и под этажерку, и куда только можно течет. Даже в соседнюю комнату маленькие ручейки побежали.

Очухались девочки, забегали, засуетились:

- Ой! Ой! Ой!..

А в соседней комнате в это время спал на полу котенок Пушок. Он как увидел, что под него вода течет, - как вскочит, как замяучит и давай как сумасшедший по всей квартире носиться:

- Мяу! Мяу! Мяу!

Девочки бегают, и котенок бегают. Девочки кричат, и котенок кричит. Девочки не знают, что делать, и котенок тоже не знает, что делать.

Тамарочка на табуретку влезла и кричит:

- Белочка! Лезь на стул! Скорее! Ты же промочишься.

- Так что же ты так долго?.. Я, наверно, двадцать минут звоню и стучу.

- А я не слышала, - говорит Тamarочка.

Мама говорит:

- Я уж бог знает что думала... Думала - воры забрались или вас волки съели.

- Нет, - говорит Тamarочка, - нас никто не съел.

Мама сетку с мясом на кухню снесла, потом возвращается и спрашивает:

- А где же Белочка?

Тamarочка говорит:

- Белочка? А Белочка... я не знаю, где-то там, кажется... в большой комнате... чего-то там делает, я не знаю...

Мама на Тamarочку с удивлением посмотрела и говорит:

- Послушай, Тamarочка, а почему у тебя такие руки грязные? И на лице какие-то пятна!

Тamarочка за нос себя потрогала и говорит:

- А это мы рисовали.

- Что ж это вы - углем или грязью рисовали?

- Нет, - говорит Тamarочка, - мы карандашами рисовали.

А мама уже разделась и идет в большую комнату. Входит и видит: вся мебель в комнате сдвинута, перевернута, не поймешь, где стол, где стул, где диван, где этажерка... А под роялем на корточках ползает Белочка и что-то там делает и плачет во весь голос.

Мама в дверях остановилась и говорит:

- Белочка! Доченька! Что это ты там делаешь?

Белочка из-под рояля высунулась и говорит:

- Я?

А сама она грязная-прегрязная, и лицо у нее грязное, и даже на носу тоже пятна.

Тamarочка ей ответить не дала. Говорит:

- А это мы хотели, мамочка, тебе помочь - пол вымыть.

Мама обрадовалась и говорит:

- Вот спасибо!..

Потом к Белочке подошла, наклонилась и спрашивает:

- А чем же это, интересно, моя дочка моет пол?

Посмотрела и за голову схватила:

- О, господи!- говорит.

- Вы только взгляните! Ведь она же носовым платком пол моет!

Тamarочка говорит:

- Фу, глупая какая!

А мама говорит:

- Да уж, это действительно называется - помогают мне.

А Белочка еще громче заплакала под своим роялем и говорит:

- Неправда, мамочка. Мы вовсе и не помогаем тебе. Мы корыто опрокинули.

Мама на табуретку села и говорит:

- Этого еще не доставало. Какое корыто?

Белочка говорит:

- Настоящее которое... Железное.

- А как же, интересно, оно попало сюда - корыто?

Белочка говорит:

- Мы скатерть стирали.

- Какую скатерть? Где она? Зачем же вы ее стирали? Ведь она же чистая была, только вчера постлана.

- А мы на нее чернила нечаянно пролили.

- Еще того не легче. Какие чернила? Где вы их взяли?

Белочка на Тamarочку посмотрела и говорит:

- Мы из папиной комнаты принесли.

- А кто вам позволил?

Девочки друг на дружку посмотрели и молчат.

Мама посидела, подумала, нахмурилась и говорит:

- Ну, что же мне теперь с вами делать?

Девочки обе заплакали и говорят:

- Накажи нас.

Мама говорит:

- А вы очень хотите, чтобы я вас наказала?

Девочки говорят:

- Нет, не очень.

- А за что же, по-вашему, я должна вас наказывать?

- А за то, что, наверно, мы пол мыли.

- Нет, - говорит мама, - за это я вас наказывать не буду.

- Ну, тогда за то, что белье стирали.

- Нет, - говорит мама.

- И за это я тоже наказывать вас не буду. И за то, что чернила пролили, - тоже не буду. И за то, что писали чернилами, тоже не буду. А вот за то, что без спросу взяли из папиной комнаты чернильницу, - за это вас действительно наказывать следует. Ведь если бы вы были послушные девочки и в папину комнату не полезли, вам бы не пришлось ни пол мыть, ни белье стирать, ни корыто опрокидывать. А заодно и врать бы вам не пришлось. Ведь, в самом деле, Тamarочка, разве ты не знаешь, почему у тебя нос грязный?

Тамарочка говорит:

- Знаю, конечно.

- Так почему же ты сразу не сказала?

Тамарочка говорит:

- Я побоялась.

- А вот это и плохо, - говорит мама.

- Сумел набедокурить - сумей и ответить за свои грехи. Сделала ошибку - не убегай, поджав хвост, а исправь ее.

- Мы и хотели исправить, - говорит Тамарочка.

- Хотели, да не сумели, - говорит мама.

Потом посмотрела и говорит:

- А где же, я не вижу, скатерть находится?

Белочка говорит:

- Она под диваном находится.

- А что она там делает - под диваном?

- Она там сохнет у нас.

Вытащила мама из-под дивана скатерть и опять на табуретку села.

- Господи!- говорит.

- Боже ты мой! Такая миленькая скатерть была! И вы посмотрите, во что она превратилась. Ведь это же не скатерть, а половая тряпка какая-то.

Девочки еще громче заплакали, а мама говорит:

- Да, милые мои доченьки, наделали вы мне хлопот. Я устала, думала отдохнуть, - я только в будущую субботу собиралась большую стирку делать, а придется, как видно, сейчас этим делом заняться. А ну, прачки-неудачки, снимайте платья!

Девочки испугались. Говорят:

- Зачем?

- Зачем? А затем, что в чистых платьях белье не стирают, полов не моют и вообще не работают. Надевайте свои халатики и - живо за мной на кухню...

Пока девочки переодевались, мама успела на кухне зажечь газ и поставила на плиту три больших кастрюли: в одной - вода, чтобы пол мыть, во второй белье кипятить, а в третьей, отдельно, - скатерть.

Девочки говорят:

- А почему ты ее отдельно поставила? Она ведь не виновата, что запачкалась.

Мама говорит:

- Да, она, конечно, не виновата, но все-таки придется ее в одиночку стирать. А то у нас все белье синее станет. И вообще я думаю, что эту скатерть уже не отстираешь. Придется, наверно, выкрасить ее в синий цвет.

Девочки говорят:

- Ой, как красиво будет!

- Нет, - говорит мама, - я думаю, что это не очень красиво будет. Если бы это было действительно красиво, то, наверно, люди каждый бы день кляксы на скатерти ставили.

Потом говорит:

- Ну, хватит болтать, берите каждая по тряпке и идемте пол мыть.

Девочки говорят:

- По-настоящему?

Мама говорит:

- А вы что думали? По-игрушечному вы уже вымыли, теперь давайте по-настоящему.

И вот девочки стали по-настоящему пол мыть.

Мама дала им каждой по уголку и говорит:

- Смотрите, как я мою, и вы тоже так мойте. Где вымыли, там по чистому не ходите... Луж на полу не оставляйте, а вытирайте досуха. А ну, раз-два начали!..

Засучила мама рукава, подоткнула подол и пошла пахать мокрой тряпкой. Да так ловко, так быстро, что девочки за ней еле успевают. И конечно, у них так хорошо не выходит, как у мамы. Но все-таки они стараются. Белочка даже на коленки встала, чтобы удобнее было.

Мама ей говорит:

- Белочка, ты бы еще на живот легла. Если ты будешь так пачкаться, то нам придется потом и тебя в корыте стирать.

Потом говорит:

- А ну, сбегай, пожалуйста, на кухню, посмотри, не кипит ли вода в бельевом баке.

Белочка говорит:

- А как же узнать, кипит она или не кипит?

Мама говорит:

- Если булькает - значит, кипит; если не булькает - значит, не вскипела еще.

Белочка на кухню сбегала, прибегает:

- Мамочка, булькает, булькает!

Мама говорит:

- Не мамочка булькает, а вода, наверно, булькает?

Тут мама из комнаты за чем-то вышла, Белочка Тamarочке и говорит:

- Знаешь? А я апельсины видела!

Тамарочка говорит:

- Где?

- В сетке, в которой мясо висит. Знаешь, сколько? Целых три.

Тамарочка говорит:

- Да. Будут нам теперь апельсины. Дождись.

Тут мама приходит и говорит:

- А ну, поломойки, забирайте ведра и тряпки - идем на кухню белье стирать.

Девочки говорят:

- По-настоящему?

Мама говорит:

- Теперь вы все будете делать по-настоящему.

И девочки, вместе с мамой, по-настоящему стирали белье. Потом они его по-настоящему полоскали. По-настоящему выжимали. И по-настоящему вешали его на чердаке на веревках сушиться.

А когда они кончили работать и вернулись домой, мама накормила их обедом. И никогда еще в жизни они с таким удовольствием не ели, как в этот день. И суп ели, и кашу, и черный хлеб, посыпанный солью.

А когда они отообедали, мама принесла из кухни сетку и сказала:

- Ну, а теперь вы, пожалуй, можете получить каждая по апельсину.

Девочки говорят:

- А кому третий?

Мама говорит:

- Ах вот как? Вы уже знаете, что и третий есть?

Девочки говорят:

- А третий, мамочка, знаешь кому? Третий - самый большой - тебе.

- Нет, доченьки, - сказала мама.

- Спасибо. Мне хватит, пожалуй, и самого маленького. Ведь все-таки вы сегодня в два раза больше, чем я, работали. Не правда ли? И пол два раза мыли. И скатерть два раза стирали...

Белочка говорит:

- Зато чернила только один раз пролили.

Мама говорит:

- Ну, знаешь, если бы вы два раза чернила пролили, - я бы вас так наказала...

Белочка говорит:

- Да, а ведь ты же не наказала все-таки?

Мама говорит:

- Погодите, может быть, еще и накажу все-таки.

Но девочки видят: нет, уж теперь не накажет, если раньше не наказала.

Обняли они свою маму, крепко расцеловали ее, а потом подумали и выбрали ей - хоть не самый большой, а все-таки самый лучший апельсин.

И правильно сделали.

Самуил Яковлевич Маршак Рассказ о неизвестном герое

Ищут пожарные, Ищет милиция, Ищут фотографы В нашей столице, Ищут давно, Но не могут найти Парня какого-то Лет двадцати.	Вдруг он увидел - Напротив В окне Мечется кто-то В дыму и огне. Много столпилось Людей на панели. Люди в тревоге Под крышу смотрели: Там из окошка Сквозь огненный дым Руки
Среднего роста, Плечистый и крепкий, Ходит он в белой	

Футболке и кепке. Знак "ГТО" На груди у него. Больше не знают О нем ничего. Многие парни Плечисты и крепки. Многие носят Футболки и кепки. Много в столице Таких же значков. Каждый К труду-обороне Готов. Кто же, Откуда И что он за птица Парень, Которого Ищет столица? Что натворил он И в чем виноват? Вот что в народе О нем говорят. Ехал Один Гражданин По Москве - Белая кепка На голове,- Ехал весной На площадке трамвая, Что-то под грохот колес Напевая...	Ребенок Протягивал к ним. Даром минуты одной Не теряя, Бросился парень С площадки трамвая Автомобилю Наперерез И по трубе Водосточной Полез. Третий этаж, И четвертый, И пятый... Вот и последний, Пожаром объятый. Черного дыма Висит пелена. Рвется наружу Огонь из окна. Надо еще Подтянуться немножко. Парень, Слабея, Дополз до окошка, Встал, Задыхаясь в дыму, На карниз, Девочку взял И спускается вниз. Вот ухватился Рукой За колонну. Вот по карнизу Шагнул он к балкону...
---	---

Еле стоит , На карнизе нога, А до балкона - Четыре шага. Видели люди, Смотревшие снизу, Как осторожно Он шел по карнизу. Вот он прошел Половину Пути. Надо еще половину Пройти.	Женщина, Плача, Подходит К пожарным: - Девочку, Дочку Спасите Мою! - Нет,- Отвечают Пожарные Дружно,- Девочка в здании Не обнаружена.	Среднего роста, Плечистый и крепкий, Ходит он в белой Футболке и кепке, Знак "ГТО" На груди у него. Больше не знают О нем ничего. Многие парни Плечисты и крепки, Многие носят Футболки и кепки. Много в столице Таких же
--	---	---

Шаг. Остановка. Другой. Остановка. Вот до балкона Добрался он ловко. Через железный Барьер перелез, Двери открыл - И в квартире исчез... С дымом мешается Облако пыли, Мчатся пожарные Автомобили, Щелкают звонко, Тревожно свистят. Медные каски Рядами блестят. Миг - и рассыпались Медные каски. Лестницы выросли Быстро, как в сказке. Люди в брезенте - Один за другим - Лезут По лестницам В пламя и дым... Пламя Сменяется Чадом угарным. Гонит насос Водяную струю.	Все этажи Мы сейчас обошли, Но никого До сих пор Не нашли. Вдруг из ворот Обгоревшего дома Вышел Один Гражданин Незнакомый. Рыжий от ржавчины, Весь в синяках, Девочку Крепко Держал он в руках. Дочка заплакала, Мать обнимая. Парень вскочил На площадку трамвая, Тенью мелькнул За вагонным стеклом, Кепкой махнул И пропал за углом. Ищут пожарные, Ищет милиция, Ищут фотографы В нашей столице, Ищут давно, Но не могут найти Парня какого-то Лет двадцати.	Значков. К славному подвигу Каждый Готов!
---	---	---

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Перечень художественной литературы для детей

Старший дошкольный возраст 5-6 лет		
№	Название произведения	Автор
1.	«Царевна лягушка»	Русская народная сказка в обработке М.Булатова
2.	«Морозко» («Мороз Иваныч»)	Сборник народных русские сказки А.Афанасьев
3.	«Золушка»	Ш.Перро
4.	«Хроменькая уточка»	Украинская народная сказка в обработке А.Нечаева
5.	«Листопадничек»	И.Соколов-Микитов
6.	«Вершки- корешки»	Русская народная сказка
7.	«А что у вас?»	С.Михалков
8.	«Сыновья»	В.Осеева
9.	«Дед Мазай и зайцы»	Н.Некрасов
10.	«Как волка уму-разуму учили»	Белорусская народная сказка

Русская народная сказка

Царевна - лягушка

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

- Сынки, мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

- Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

- Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит - сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

- Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу. А лягушка ему отвечает:

- Возьми меня замуж!

- Что ты, как Я возьму себе в жёны лягушку?

- Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего - на купеческой, а несчастного Ивана-царевича - на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

- Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка, по полу скачет, спрашивает его:

- Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

- Батюшка, велел тебе к завтраму рубашку сшить. Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка, прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке, не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка, опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

- Эту рубашку, в черной избе носить. Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

- В ней только, в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

- Ну, вот это рубашка - в праздник её надевать. Пошли братья по домам - те двое - и судят между собой:

- Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра... Царь опять позвал сыновей:

- Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка, его спрашивает:

- Что закучинился? Он отвечает:

- Надо к завтраму испечь царю хлеб.

- Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки, сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку, посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню; печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам; все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от боль-ших сыновей. Их жены-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

- Вот это хлеб, только, в праздник его есть. И приказал царь трем своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка, по полу скачет:

- Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово неприветливое?

- Лягушка, лягушка, как мне не горевать! Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я, тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: "Это моя лягушонка, в коробчонке едет".

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, наурмяненными, насурьмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

- Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные - пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрёсся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

- Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка, в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье - частые звезды, на голове - месяц ясный, такая красавица - ни вздумать, ни взгадать, только, в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки, за правый рукав бросила.

Жёны больших-то царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась - всем на диво. Махнула левым рукавом - вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом - поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом - только гостей забрызгали, махнули другим - только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась - нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

- Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят - искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапочку дождик иссёк. Попадаетеся ему навстречу старый старичок.

- Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старичок говорит ему:

- Эх, Иван-царевич; зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать.

Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей

три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадает ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

- Не бей меня, Иван царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

-- Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе пригожусь, Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

- Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь. Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит - на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

- Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

- Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошёл в неё и видит - на печи, на девятом кирпичи, лежит Баба-яга, костяная нога, зубы - на полке, а нос в потолок врос.

- Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? - говорит ему Баба-яга. - Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

- Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

- Знаю, знаю, - говорит ему Баба-яга, - твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз, бережёт.

Иван-царевич у Бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит - стоит, шумит высокий дуб, на нем казённый сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц - и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её - утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море.

Тут Иван-царевич залился горькими слезами - где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошёл в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

Русская народная сказка Морозко

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее глядят по головке да приговаривают: “Умница!” А падчерица как ни угождает - ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится - не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

- Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой - и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась, бедненькая, трясется и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает:

- Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

- Добро пожаловать. Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз хотел ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит.

Опять пришел Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

- Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

- Добро пожаловать. Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз пришел совсем не по душу, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришел Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.

- Ступай, муж, вези хоронить свою дочь. Старик поехал. А собачка под столом:

- Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

- Молчи, дура! На блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

- Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое:

- Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица - панья паньей сияет! Мачеха глянула - и руки врозь!

- Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

Повез старик на то же поле, посадил на то же место. Пришел и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил ее и убил.

- Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни! А собачка под столом:

- Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

- Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут! Растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь, да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Шарль Перро

Золушка

Давным-давно жила-была одна счастливая семья: отец, мать и их единственная дочка, которую родители очень любили. Много лет жили они беззаботно и радостно. К несчастью, однажды осенью, когда девочке исполнилось шестнадцать лет, ее мать тяжело заболела и через неделю умерла. В доме воцарилась глубокая печаль. Прошло два года. Отец девочки познакомился с одной вдовой, у которой были две дочери, и вскоре женился на ней.

С первого дня мачеха возненавидела свою падчерицу. Она заставляла ее делать всю работу по дому и не давала ни минуты покоя. То и дело слышалось:

– А ну, пошевеливайся, лентяйка, принеси-ка воды!

– Давай, бездельница, подмети пол!

– Ну, чего ждешь, грязнуля, подкинь дров в камин!

От грязной работы девочка и в самом деле всегда была выпачкана в золе и пыли. Вскоре все, даже отец, стали называть ее Золушкой, да и она сама позабыла свое имя.

Сводные сестры Золушки не отличались характером от своей злой и ворчливой матери. Завидуя красоте девушки, они заставляли ее прислуживать им и все время придирались к ней.

Однажды по округе разнесся слух, что молодой принц, скучая в одиночестве в своем большом дворце, собирается устроить бал, да не один, а несколько дней подряд.

– Ну, мои дорогие, – сказала мачеха своим некрасивым дочкам, – наконец-то судьба вам улыбнулась. Мы едем на бал. Я уверена, что одна из вас обязательно понравится принцу и он захочет жениться на ней.

– А как же другая? – в один голос спросили сестры.

– Не волнуйтесь, для другой мы найдем какого-нибудь министра.

Сестры не могли нарадоваться. В день бала они ни на шаг не отходили от зеркала, примеряя наряды. Наконец вечером, разряженные и расфуфыренные, они уселись в карету и поехали во дворец. Но перед отъездом мачеха строго сказала Золушке:

— И не думай, что ты будешь бездельничать, пока нас не будет дома. Я найду для тебя работу.

Она огляделась по сторонам. На столе, около большой тыквы, стояли две тарелки: одна с просом, другая с маком. Мачеха высыпала просо в тарелку с маком и перемешала.

– А вот тебе и занятие на всю ночь: отдели просо от мака.

Золушка осталась одна. Впервые за все время она заплакала от обиды и отчаяния. Как же перебрать все это и отделить просо от мака? И как не плакать, когда все девушки развлекаются сегодня на балу во дворце, а она сидит здесь, в лохмотьях, одна-одинешенька?

Вдруг комната озарилась светом, и появилась красавица в белом платье и с хрустальной палочкой в руке.

– Тебе хотелось бы на бал, правда?

– Ах, да! – со вздохом ответила Золушка.

– Не печалься, Золушка, – сказала она, – я добрая фея. Сейчас придумаем, как помочь твоей беде.

С этими словами она коснулась палочкой тарелки, что стояла на столе. В одно мгновение просо отделилось от мака.

– Обещаешь быть во всём послушной? Тогда я помогу тебе поехать на бал. – Волшебница обняла Золушку и сказала ей: – Ступай в огород и принеси мне тыкву.

Золушка побежала в огород, выбрала самую лучшую тыкву и отнесла её волшебнице, хотя никак не могла понять, каким это образом тыква поможет ей попасть на бал.

Волшебница выдолбила тыкву до самой корки, потом прикоснулась к ней волшебной палочкой, и тыква мигом превратилась в золочёную карету.

Потом волшебница заглянула в мышеловку и увидела, что там сидят шесть живых мышей.

Она велела Золушке приоткрыть дверцу мышеловки. Каждую мышь, которая выскакивала оттуда, она трогала волшебной палочкой, и мышка сейчас же превращалась в красивого коня.

И вот вместо шести мышей появилась превосходная упряжка из шести лошадей мышиной масти в яблоках.

Волшебница задумалась:

– Откуда бы взять кучера?

– Пойду посмотрю, не попала ли в крысоловку крыса, – сказала Золушка. – Из крысы можно сделать кучера.

– Верно! – согласилась волшебница. – Пойди посмотри.

Золушка принесла крысоловку, где сидели три большие крысы.

Волшебница выбрала одну, самую крупную и усатую, тронула её своей палочкой, и крыса превратилась в толстого кучера с пышными усами.

Тогда волшебница сказала Золушке:

– В саду, за лейкой, сидят шесть ящериц. Пойди принеси их мне.

Не успела Золушка принести ящериц, как волшебница превратила их в шестерых слуг, одетых в расшитые золотом ливреи. Они так ловко вскочили на запятки кареты, как будто всю жизнь ничем другим не занимались.

– Ну вот, теперь можешь ехать на бал, – сказала волшебница Золушке. – Довольна ты?

– Конечно! Только как же я поеду в таком гадком платье?

Волшебница коснулась Золушки своей палочкой, и старое платье мигом превратилось в наряд из золотой и серебряной парчи, богато расшитой драгоценными камнями.

В придачу волшебница подарила ей пару хрустальных туфель. Свет не видел ещё таких красивых туфель!

– Поезжай на бал, моя милая! Ты это заслужила! – воскликнула фея. – Но помни, Золушка, ровно в полночь сила моих чар кончится: твоё платье снова превратится в лохмотья, а карета – в обыкновенную тыкву. Помни об этом!

Золушка обещала волшебнице уехать из дворца до полуночи и, сияя от счастья, отправилась на бал.

Королевскому сыну доложили, что прибыла неизвестная, очень важная принцесса. Он поспешил ей навстречу, помог выйти из кареты и повёл в зал, где уже собрались гости.

Когда Золушка, разодетая как принцесса, вошла в бальный зал, все замолчали и посмотрели в сторону незнакомой красавицы.

– Это ещё кто такая? – недовольно спрашивали Золушкины сводные сестры.

В зале сразу наступила тишина: гости перестали танцевать, скрипачи перестали играть – так все были поражены красотой незнакомой принцессы.

– Какая красавица! – шептались кругом.

Даже сам старик король не мог на неё наглядеться и всё твердил на ухо королеве, что давно не видел такой красивой и милой девушки.

А дамы внимательно рассматривали её наряд, чтобы завтра же заказать себе точь в точь такой, только боялись, что не найдут достаточно богатых материй и достаточно искусных мастериц.

Принц проводил её на самое почётное место и пригласил танцевать. Танцевала она так хорошо, что все ещё больше залюбовались ею.

Вскоре подали разные сласти и фрукты. Но принц и не притронулся к лакомствам – так он был занят прекрасной принцессой.

А она подошла к своим сёстрам, приветливо заговорила с ними и поделилась апельсинами, которыми угощал её принц.

Сёстры очень удивились такой любезности со стороны незнакомой принцессы.

Но время неумолимо летело вперед. Помня слова доброй феи, Золушка все время поглядывала на часы. Без пяти двенадцать девушка неожиданно прекратила танцевать и

выбежала из дворца. У крыльца ее уже ждала золотая карета. Лошади радостно заржали и повезли Золушку домой.

Вернувшись домой, она прежде всего побежала к доброй волшебнице, поблагодарила её и сказала, что хотела бы завтра опять попасть на бал – принц очень просил её приехать. В то время, как она рассказывала волшебнице обо всём, что происходило на балу, раздался стук в дверь – это приехали сёстры. Золушка пошла им отворять.

– Долго же вы пробыли на балу! – сказала она, протирая глаза и потягиваясь, как будто только что проснулась.

На самом деле, с тех пор как они расстались, ей совсем не хотелось спать.

– Побывала бы ты на балу, – сказала одна из сестёр, – тебе бы некогда было скучать. Туда приехала принцесса – да какая красивая! Красивей её никого на свете нет. С нами она была очень любезна, угощала нас апельсинами.

Золушка вся задрожала от радости. Она спросила, как зовут принцессу, но сёстры ответили, что никто её не знает и принц очень этим огорчён. Он что угодно отдал бы, лишь бы узнать, кто она такая.

– Наверно, она очень красивая! – улыбаясь, сказала Золушка. – И счастливицы же вы! Как бы мне хотелось хоть одним глазком посмотреть на неё!.. Милая сестрица, пожалуйста, одолжите мне ваше жёлтое домашнее платье.

– Вот ещё выдумала! – отвечала старшая сестра. – Чтоб я дала своё платье такой замарашке? Да ни за что на свете!

Золушка так и знала, что сестра откажет ей, и даже обрадовалась – что бы она делала, если бы сестрица согласилась дать ей свой платье!

– Ты сделала то, что я тебе велела? – сурово спросила мачеха.

Каково же было удивление злой мачехи и ее дочек, когда они увидели, что в доме все сверкает чистотой, а мак отделен от проса!

На следующий вечер мачеха и Золушкины сводные сестры снова собрались на бал.

– На этот раз у тебя будет больше работы, – сказала мачеха, – вот тебе мешок гороха, перемешанного с фасолью. Отдели горох от фасоли к нашему приезду, а не то плохо тебе придется!

И снова Золушка осталась одна. Но через минуту комната вновь озарилась чудесным светом.

– Не будем терять времени, – сказала добрая фея, – нужно скорее собираться на бал, Золушка. – Одним взмахом волшебной палочки фея отделила горох от фасоли.

Золушка поехала на бал и была ещё наряднее, чем в первый раз. Принц не отходил от неё и нашёптывал ей всякие любезности.

Но на этот раз Золушка, увлеченная красавцем-принцем, совсем забыла о времени. Музыка, танцы и счастье унесли ее в заоблачные дали.

Золушке было очень весело, и она совсем позабыла о том, что приказывала ей волшебница. Она думала, что нет ещё и одиннадцати часов, как вдруг часы стали бить полночь.

Неужели на самом деле уже полночь? Но часы неумолимо пробили двенадцать раз.

Опомнившись, Золушка вырвала свою руку из руки принца и поспешила из дворца.

Принц бросился догонять ее. Но алые туфельки быстрее молнии мелькали по ступеням широкой дворцовой лестницы. Принц не успел догнать девушку. Он услышал лишь, как хлопнула дверца и заскрипели колеса отъезжавшей кареты.

Опечаленный, стоял он наверху лестницы и уже собрался уходить, как вдруг заметил что-то внизу. Это была туфелька, которую потеряла прекрасная незнакомка.

Юноша осторожно, как какую-то драгоценность, поднял ее и прижал к груди. Он найдет таинственную принцессу, даже если ему придется искать ее всю жизнь!

Он расспросил стражу у ворот, не видел ли кто, куда уехала принцесса. Стражники ответили, что видели только, как из дворца выбежала бедно одетая девушка, больше похожая на крестьянку, чем на принцессу.

Золушка побежала домой запыхавшись, без кареты, без слуг, в своём стареньком платье. От всей роскоши у неё осталась только одна хрустальная туфелька.

Когда почти на рассвете Золушка вернулась домой, мачеха и сводные сестры уже успели приехать с бала.

– Где ты была? Опять бездельничала? – недовольно спросили они.

Но тут лицо мачехи перекосилось от злости. В углу кухни она увидела два мешка с горохом и с фасолью – ее задание было выполнено.

Золушка спросила сестер, было ли им так же весело, как вчера, и приезжала ли опять прекрасная принцесса.

Сёстры ответили, что приезжала, но только когда часы начали бить полночь, она бросилась бежать – да так поспешно, что уронила с ноги красивую хрустальную туфельку.

Принц поднял туфельку и до конца бала не сводил с неё глаз. По всему видно, что он влюблён в прекрасную принцессу – владелицу туфельки.

После исчезновения красавицы принц перестал давать балы во дворце, и по всей округе разнесся слух, что он по всему королевству ищет ту самую таинственную красавицу, что два раза появлялась на балу, но оба раза исчезала ровно в полночь. Было также известно, что принц женится на девушке, которой алая туфелька придется впору.

Сначала туфельку примеряли принцессам, потом герцогиням, потом всем придворным дамам подряд. Но она не годилась никому.

В скором времени принц со своей свитой пожаловал в дом, где жила Золушка. Сводные сестры бросились примерять туфельку. Но изящная туфелька ни за что не хотела налезать на их большие ноги. Принц уже хотел уйти, когда вдруг отец Золушки сказал:

– Подождите, ваше высочество, у нас есть еще одна дочка!

В глазах принца блеснула надежда.

– Не слушайте его, ваше высочество, – тут же вмешалась мачеха. – Какая же это дочка? Это наша служанка, вечная замарашка.

Принц с грустью взглянул на грязную, одетую в лохмотья девушку и вздохнул.

– Что ж, каждая девушка в моем королевстве должна примерить туфельку.

Золушка сняла грубый башмак и без труда надела туфельку на свою изящную ножку. Та пришлась ей в самый раз.

Сёстры очень удивились. Но каково же было их изумление, когда Золушка достала из кармана вторую такую же туфельку и надела её на другую ногу!

Принц внимательно посмотрел в глаза девушке в лохмотьях и узнал ее.

– Так ты и есть моя прекрасная незнакомка!

Тут подросла добрая волшебница, коснувшись своей палочкой старенького Золушкиного платья, и оно на глазах у всех превратилось в пышный наряд, ещё роскошнее прежних.

Вот когда сёстры увидели, кто была прекрасная принцесса, которая приезжала на бал!

Они бросились перед Золушкой на колени и стали просить прощения за то, что так дурно обращались с ней. Золушка подняла сестёр, расцеловала и сказала, что прощает их и только просит, чтобы они всегда любили её. Мачеха и ее дочери так и опешили. А в последующие дни у них было еще больше поводов для зависти.

Золушку в её роскошном наряде повезли во дворец к принцу. Она показалась ему ещё красивее, чем раньше. И несколько дней спустя он женился на ней, и устроил пышную свадьбу.

Во дворце был дан великолепный бал, на котором Золушка была в восхитительном наряде и танцевала с принцем до самой полуночи и даже дольше, ведь теперь чары доброй феи уже были не нужны. Золушка была так же добра душой, как и прекрасна лицом.

Она взяла сестёр к себе во дворец и в тот же день выдала их замуж за двух придворных вельмож. И все жили долго и счастливо.

Украинская сказка Хроменькая уточка

Жили-были дед да баба. Детей у них не было. Говорит дед:

— Пойдём, старуха, в лес по грибы!

Пошли. Видит баба — под кустиком гнёздышко, а в гнёздышке уточка.

— Гляди-ка, дед, — уточка!

Поглядел дед:

— Возьмём её домой! Пусть у нас живёт.

Стали поднимать, видят — лапка у неё переломана. Взяли её тихонько, со всем гнёздышком, принесли домой. Оставили уточку в хате, а сами опять по грибы пошли.

Вернулись домой вечером, смотрят — что такое?

Хата прибрана, хлеб испечён и борщ сварен. Они к соседям:

— Кто хату прибрал, хлеба напёк и борща наварил?

Никто не знает.

На другой день опять пошли дед с бабой по грибы. Вернулись вечером домой — опять всё прибрано и вареники сварены.

Спрашивают соседей:

— Не видали ли кого в нашей хате?

Одна соседка говорит:

— Видали девушку — воду несла. Такая пригожая, только хроменькая.

Дед с бабой думали, думали: кто бы это был?

Баба говорит:

— Давай-ка, скажем, что пойдём по грибы, а сами спрячемся да и посмотрим, кто у нас хозяйничает.

Так и сделали. Спрятались и видят — из хаты выходит девушка с коромыслом. Такая пригожая девушка, только чуть хроменькая. Пошла она к колодцу, а дед с бабой в хату. Смотрят — нету в гнезде уточки, лежат только одни пёрышки. Взяли они гнёздышко и кинули в печь. Оно там и сгорело.

Принесла девушка воду, увидела деда с бабой — и прямо к гнёздышку. А гнёздышка нет.

Она и заплакала.

Дед и баба уговаривают:

— Не плачь, голубонька, будешь ты у нас дочерью, родным нашим дитяtkом!

А она отвечает:

— Век бы жила у вас, коли вы бы не сожгли гнёздышка да не подглядывали за мною. А теперь не хочу! Сделай мне, дед, прялочку да веретёнце!

Дед с бабой плачут, уговаривают.

— Нет, — говорит, — не поверили, подглядывали за мною, уйду от вас!

Сделал дед прялочку и веретёнце.

Села она на дворе и прядёт. Летит стая уток. Увидали её, закричали:

— Вот наша девушка,

Вот наша пригожая!

Возле хаты сидит,

В нашу сторону глядит.

Прял очка шумит,

Веретёнце звенит.

Кинем ей по пёрышку,

Пускай с нами летит!

Она им отвечает:

— Не полечу с вами.

Как была я на лужку,

Повредила ножку.

Вы меня покинули,

Вы меня оставили!
Они бросили ей по пёрышку и дальше полетели. Летит другая стая уток. Увидали они девушку, закрикали:
— Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.
Прялочка шумит,
Веретёнце звенит.
Кинем ей по пёрышку,
Пускай с нами летит!
А она в ответ:
— Не полечу с вами.
Как была я на лужку,
Повредила ножку.
Вы меня покинули,
Вы меня оставили!
Кинули ей по пёрышку.
Летит третья стая. Увидали девушку, закрикали, запели:
— Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.
Прялочка шумит, Веретёнце звенит. Кинем ей по пёрышку, Пускай с нами летит!
Кинули ей по пёрышку, обернулась она уточкой и улетела.

Вопросы к сказке:

1. О ком эта сказка?
2. Что сказочного в этой истории? Можно назвать эту сказку волшебной? Почему ты так думаешь?
3. Какие действия трижды повторяются в этой сказке?
4. Попробуй пересказать сказку. Сколько в ней частей? С каких слов начинается сказка? О чём говорится в первой части сказки? Расскажи, как хроменькая уточка появилась у деда с бабой. Почему она стала им помогать?
5. О чём говорится во второй части сказки? Расскажи, что случилось, когда дед с бабой выкинули гнёздышко уточки в печь. 6. Почему обиделась уточка?
7. Какой у сказки конец? Как ты думаешь, могла ли эта сказка закончиться по-другому? Почему ты так думаешь?
8. В сказке есть две песенки. Кто их поёт? С какой интонацией поют песенку уточки? (С радостью, с удивлением, с грустью.) А как поёт свою песенку девушка-уточка? Повтори эту песенку так, чтобы было понятно настроение девушки.
9. Сказка оканчивается грустно для деда и бабы. За что они наказаны? Как ты думаешь, это справедливо? Давай попробуем придумать такое продолжение сказки, в котором все были бы счастливы.

Соколов-Микитов И.С. Сказка Листопадничек

Осенью, когда осыпался с деревьев золотой лист, родились у старой зайчихи на болоте три аленьких зайчонка.

Называют охотники осенних зайчат листопадничками. Каждое утро смотрели зайчата, как разгуливаю журавли по зеленому болоту, как учатся летать долговязые журавлята.

- Вот бы и мне так полетать, - сказал матери самый маленький зайчонок.

- Не говори глупости! – строго ответила старая зайчиха. – Разве зайцам полагается летать?

Пришла поздняя осень, стало в лесу скучно и холодно. Стали собираться птицы к отлету в теплые страны. Кружат над болотом журавли, прощаются на всю зиму с милой зеленой родиной. Слышится зайчатам, будто это с ними прощаются журавли:

- Прощайте, прощайте, бедные листопаднички!

Улетели в далекие страны крикливые журавли. Залегли в теплых берлогах лежебоки-медведи; свернувшись в клубочки, заснули колючие ежи; спрятались в глубокие норы змеи. Стало еще скучнее в лесу. Заплакали листопаднички-зайчата:

- Что-то будет с нами? Замерзнем зимой на болоте.

- Не говорите глупости! – еще строже сказала зайчиха. – Разве замерзают зайцы зимой?

Скоро вырастет на вас густая, теплая шерстка. Выпадет снег, будет нам в снегу тепло и уютно.

Успокоились зайчата. Только один, самый маленький листопадничек-зайчонок никому покоя не дает.

- Оставайтесь здесь, - сказал он своим братьям. – А я один побегу за журавлями в теплые страны.

Бежал, бежал Листопадничек по лесу, прибежал к глухой лесной речке. Видит, бобры строят на речке плотину. Подгрызут острыми зубами толстое дерево, ветер подует, упадет дерево в воду. Запрудили речку, можно ходить по плотине.

- Скажите, дяденьки, зачем вы валите такие большие деревья? – спрашивает Листопадничек бобров.

- Мы для того валим деревья, говорит старый Бобр, - чтобы заготовить на зиму корм и новую хатку поставить для наших маленьких бобряток.

- А тепло в вашей хатке зимой?

- Очень тепло, - отвечает седой Бобр.

- Пожалуйста, возьмите меня в вашу хатку, - просит маленький зайчонок.

Переглянулись Бобр с Бобрихой и говорят:

- Взять тебя можно. Наши бобрятки будут рады. Только умеешь ли ты плавать и нырять?

- Нет, зайцы плавать не умеют. Но я скоро у вас научусь, буду хорошо плавать и нырять.

- Ладно, - говорит Бобр, - вот наша новая хатка. Она почти готова, осталось только крышу доделать. Прыгай прямо в хатку.

Прыгнул Листопадничек в хатку. А в бобровой хатке два этажа. Внизу, у воды, приготовлен корм бобряток – мягкие ивовые ветки. Наверху настлано свежее сено. В уголке на сене сладко-сладко спят пушистые бобрятки.

Не успел хорошенько осмотреться зайчонок, как бобры над хаткой крышу поставили.

Один бобр обглоданные палки таскает, другой замазывает крышу илом. Толстым хвостом громко прилепывает, как штукатур лопаткой. Ходко работают бобры.

Поставили бобры крышу, стало в хатке темно. Вспомнил Листопадничек свое светлое гнездо, старую мать-зайчиху и маленьких братьев.

"Убегу-ка в лес, - думает Листопадничек. – Здесь темно, сыро, можно замерзнуть".

Скоро вернулись бобры в свою хатку. Отряхнулись внизу, обсушились.

- Ну как, - говорят, - как ты себя чувствуешь, зайчонок?

- У вас все очень хорошо, - говорит Листопадничек. – Но мне нельзя долго здесь оставаться. Мне пора в лес.

- Что делать, - говорит Бобр, - если нужно, ступай. Выход из нашей хатки теперь один – под водою. Если научился хорошо плавать и нырять – пожалуйста.

Сунул Листопадничек лапку в холодную воду:

- Бррр! Ах, какая холодная вода! Уж лучше, пожалуй, у вас на всю зиму останусь, я не хочу в воду.

- Ладно, оставайся, - говорит Бобр. – Мы очень рады. Будешь у наших бобрятки нянькой, будешь им корм приносить из кладовой. А мы пойдем на реку работать, деревья валить. Мы звери трудолюбивые.

Остался Листопадничек в бобровой хатке. Проснулись бобрятки, пищат, проголодались. Целую охапку ивовых мягких веток притащил для них из кладовой Листопадничек. Очень обрадовались бобрятки, стали глодать ивовые ветки – быстро-быстро. Зубы у бобров острые, только щепки летят. Обглодали, опять пищат, есть просят.

Намучился Листопадничек, таская из кладовой тяжелые ветки. Поздно вернулись бобры, стали прибирать свою хатку. Любят бобры чистоту и порядок.

- А теперь, - сказали они зайчонку, - пожалуйста, садись с нами кушать.

- Где у вас репка лежит? – спрашивает Листопадничек.

- Нет у нас репки, - отвечают бобры. – Бобры ивовую и осиновую кору кушают.

осказках.ру - oskazkah.ru

Отведал зайчонок бобрового кушанья. Горькой показалась ему твердая ивовая кора.

"Эх, видно, не видать мне больше сладкой репки!" - подумал листопадничек-зайчонок.

На другой день, когда ушли бобры на работу, запищали бобрята – есть просят.

Побежал Листопадничек в кладовую, а там у норы незнакомый зверь сидит, весь мокрый, в зубах большущая рыбина. Испугался Листопадничек страшного зверя, стал из всех сил колотить лапками в стену, звать старых бобров.

Услыхали бобры шум, мигом явились. Выгнал старый Бобр из норы незваного гостя.

- Это разбойница выдра, - сказал Бобр, - она нам делает много зла, портит и разоряет наши плотины. Только ты не робей, зайчонок: выдра теперь не скоро покажется в нашей хатке. Я ей хороших тумачков надавал.

Выгнал Бобр выдру, а сам – в воду. И опять остался Листопадничек с бобрятами в сырой темной хатке.

Много раз слышал он, как подходила к хатке, принюхиваясь, хитрая лисица, как бродила возле хатки злая рысь. Жадная росомаха пробовала ломать хатку.

За долгую зиму большого страха натерпелся листопадничек-зайчонок. Часто вспоминал он свое теплое гнездо, старую мать-зайчиху.

Раз случилось на лесной речке большая беда. Ранней весной прорвала вода построенную бобрами большую плотину. Стало заливать хатку.

- Вставайте! Вставайте! – закричал старый Бобр. – Это выдра испортила нашу плотину.

Бросились вниз бобрята – бултых в воду! А вода все выше и выше. Подмочила зайчонку хвостик.

- Плыви, зайчонок! – говорит старый Бобр. – Плыви, спасайся, а то пропадешь!

У Листопадничка со страху хвостик дрожит. Очень боялся холодной воды робкий зайчонок.

- Ну что с тобой делать? – сказал старый Бобр. – Садись на мой хвост да держись крепче. Я научу тебя плавать и нырять.

Уселся зайчонок на широкий бобровый хвост, крепко лапками держится. Нырнул Бобр в воду, хвостом вильнул, - не удержался, как пуля вылетел Листопадничек из воды. Волей-неволей пришлось к берегу плыть самому. Вышел на берег, фыркнул, встряхнулся и – со всех ног на родное болото.

А старая зайчиха с зайчатами спала в своем гнезде.

Обрадовался Листопадничек, прижался к матери.

Не узнала зайчиха своего зайчонка:

- Ай, ай, кто это?

- Это я, - сказал Листопадничек. – Я из воды. Мне холодно, я очень озяб. Обнюхала, облизала Листопадничка зайчиха, положила спать в теплое гнездо. Крепко-крепко заснул возле матери в родном гнезде Листопадничек. Утром собрались слушать Листопадничка зайцы со всего болота. Рассказал он братьям и сестрам, как бегал за журавлями в теплые страны, как жил у бобров, как научил его старый Бобр плавать и нырять. С тех пор по всему лесу прослыл Листопадничек самым храбрым и отчаянным зайцем.

Валентина Александровна Осеева Сыновья

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

- Мой сынок ловок да силен, никто с ним не сладит.

- А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, - говорит другая.

А третья молчит.

- Что же ты про своего сына не скажешь? - спрашивают её соседки.

- Что ж сказать? - говорит женщина. - Ничего в нём особенного нету. Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок - за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит - любуются им женщины. Другой песню поёт, соловьём заливается - заслушались его женщины. А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

- Ну что? Каковы наши сыновья?

- А где же они? - отвечает старик. - Я только одного сына вижу!

Русская народная сказка Корешки и вершки: мужик и медведь

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришел к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так,— сказал медведь.— А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езд.

Сказал и ушел в дуброву.

Репка выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки. Отдал мужик медведю всю ботву. А репу накла на воз и повез в город продавать.

Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— oskazka.ru - oskazka.ru

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок? Мужик дал ему репу. Медведь, как съел:

— А-а! — заревел.— Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю. Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь положил на воз и увез домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

Сергей Михалков
ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел, Кто на улицу глядел, Толя пел, Борис молчал, Николай ногой качал. Дело было вечером, Делать было нечего. Галка села на заборе, Кот забрался на чердак. Тут сказал ребятам Боря Просто так: - А у меня в кармане гвоздь. А у вас? - А у нас сегодня гость. А у вас? - А у нас сегодня кошка Родила вчера котят. Котята выросли немножко, А есть из блюда не хотят. - А у нас на кухне газ. А у вас? - А у нас водопровод. Вот. - А из нашего окна Площадь Красная видна. А из вашего окошка Только улица немножко. - Мы гуляли по Неглинной, Заходили на бульвар, Нам купили синий-синий, Презелёный красный шар. - А у нас огонь погас - Это раз. Грузовик привёз дрова - Это два. А в-четвёртых, наша мама Отправляется в полёт, Потому что наша мама Называется пилот.	С лесенки ответил Вова: - Мама - лётчик? Что ж такого! Вот у Коли, например, Мама - милиционер. А у Толи и у Веры Обе мамы - инженеры. А у Лёвы мама - повар. Мама - лётчик? Что ж такого! - Всех важней,- сказала Ната,- Мама вагоновожатый, Потому что до Зацепы Водит мама два прицепа. И спросила Нина тихо: - Разве плохо быть портнихой? Кто трусы ребятам шьёт? Ну конечно, не пилот. Лётчик водит самолёты - Это очень хорошо. Повар делает компоты - Это тоже хорошо. Доктор лечит нас от кори, Есть учительница в школе. Мамы разные нужны. Мамы всякие важны. Дело было вечером, Спорить было нечего.
---	---

Как волка уму-разуму учили

Косил мужик сено. Утомился и присел под куст отдохнуть. Достал кошелку и решил закусить. А тут волк поблизости случился. Почуял волк запах пищи и вышел из леса. Видит волк – косарь под кустом сидит, закусывает. Подошел к нему, спрашивает:

— Что ты ешь?

— Хлеб.

— А он вкусный?

— Очень.

— Дай мне попробовать.

— Ну, пожалуйста!

Отломил косарь кусок хлеба и дал волку.

Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Никогда такого вкусного да еще с тмином хлеба не ел. Всю Беларусь вдоль и поперек прошел, а не ел такого. Наверно, у тебя какой-то он особенный.

— Ты угадал, – сказал косарь, – этот хлеб минским зовут.

— Хотел бы и я минский хлеб каждый день есть, – вздохнул волк. – Посоветуй, добрый человек, где его доставать.

— Добро! – говорит косарь. – Так и быть, научу тебя, как этот хлеб доставать. И стал он учить волка:

— Перво-наперво землю вспаши...

— Тогда и будет хлеб?

— Экой ты быстрый! – засмеялся косарь. – Подожди еще! Землю надо забороновать...

— И можно хлеб есть? – торопился волк, виляя хвостом.

— Да что ты, подожди еще! Надо еще рожь посеять...

— Тогда и будет хлеб? – опять переспросил волк, облизываясь.

— Да что ты! Дождись, пока рожь взойдет, зиму перезимует, в весну зазеленеет, летом зацветет, колос нальется – только тогда созревать будет...

— Ох, – вздохнул волк, – очень уж долго... А тогда уж я вволю наемся хлеба?

— Где уже там наешься! – усмехнулся мужик. – Рано еще! Поспеет рожь. Надо ее сжать, в снопы связать, снопы в копны сложить. Ветерок их провеет, солнышком прогреет... Тогда уж и на ток везти можно...

— И можно будет есть?

— Ох, какой ты нетерпеливый! Снопы надо обмолотить, зерна в мешки ссыпать да на мельницу свезти, потом смолоть...

— И все?

— Нет еще, не все! Муку надо замесить, дожждаться, когда тесто подойдет. Потом хлебы сделать да в горячую печку посадить.

— И будет хлеб?

— Вот когда испечется, тогда и будет хлеб. Задумался волк. Почесал лапой в загривке и говорит:

— Нет, эта работа не по мне. Посоветуй лучше, как легче хлеб добывать.

— Ну коли не желаешь трудного хлеба есть, ешь легкий... Иди в луга. Там конь пасется. Пришел волк в луга. Увидел коня, поднял шерсть на спине, оскалился и говорит ему:

— Конь, а конь! Я тебя съем!

— Что ж, – отвечает конь, – ешь. Только сперва с задних ног подковы отдери, а то зубы обломаешь...

— Твоя правда, – согласился волк.

Нагнулся он подковы отдирать, а конь как даст ему копытом в зубы...

Перекувырнулся волк и бежать... Прибежал к речке. Видит – на берегу гуси пасутся. “Не съест ли мне гусей?” – подумал волк. Подошел к гусям и говорит:

- Гуси, а гуси, я вас съем!
- Ну что ж, – заготовили гуси, – ешь! Но сперва сослужи нам перед смертью одну службу.
- Какую!
- Спой нам, мы потанцуем.
- Только-то?! Это можно. Петь я мастер!.. Сел волк на бугорок, задрал голову и давай выть. Тем временем гуси улетели. Слез волк с бугра, проводил гусей взглядом и не солоно хлебавши пошел в свою берлогу. Тем временем косарь закончил косьбу и возвращался домой. Идет и вдруг слышит: где-то поблизости волк плачет и про себя говорит:
- Хватит, попробовал легкого хлеба! От него и помереть недолго...

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Перечень художественной литературы для детей

Подготовительный дошкольный возраст 6-7 лет		
№	Название произведения	Автор
1.	«Госпожа метелица»	Б.Гримм
2.	«12 месяцев»	С.Маршак
3.	«Семь Самеонов – семь работников»	Русская народная сказка
4.	«Сказка о попе и работке его Балде»	А.Пушкин
5.	«Важные дела»	С.Михалков
6.	«Мамина работа»	С.Баруздин
7.	«Обвал»	Б.Житков
8.	«Кем быть»	В.Маяковский
9.	«Шутка» (профессия «спасатель»)	Р.Погодин
10.		

Сказка Братьев Гримм Госпожа Метелица

Была у одной вдовы дочь, была у нее еще и падчерица. Падчерица прилежная, красивая, а дочка и лицом нехороша, и лентяйка страшная. Дочку свою вдова очень любила и все ей прощала, а падчерицу заставляла много работать и кормила очень плохо.

Каждое утро должна была падчерица садиться у колодца и прясть пряжу. И столько ей нужно было спрясть, что часто даже кровь выступала у нее на пальцах.

Однажды сидела она так, пряла и запачкала кровью веретено. Наклонилась девушка к колодцу, чтобы обмыть веретено, и вдруг выскользнуло у нее веретено из рук и упало в колодец.

Заплакала падчерица и побежала домой к мачехе рассказать о своей беде.

- Ты его уронила, ты его и доставай, - сказала мачеха сердито. - Да смотри, без веретена не возвращайся.

Пошла девушка обратно к колодцу и с горя взяла да и бросилась в воду. Бросилась в воду и сразу сознание потеряла.

А когда очнулась, увидела она, что лежит на зеленой лужайке, с неба солнце светит, а на лужайке цветы растут.

Пошла девушка по лужайке, смотрит: стоит на лужайке печь, а в печи хлебы пекутся.

Хлебы крикнули ей:

- Ах, вынь нас, девушка, из печи поскорее!

Ах, вынь поскорее! Мы уже спеклись! А не то мы скоро совсем сгорим!

Взяла девушка лопату и вынула хлебы из печи. Потом пошла она дальше и пришла к яблоне. А на яблоне было много спелых яблок. Яблоня крикнула ей:

- Ах, потряси меня, девушка, потряси! Яблоки давно уже спели!

Стала девушка трясти дерево. Яблоки дождем на землю посыпались. И до тех пор трясла она яблоню, пока не осталось на ней ни одного яблока.

Сложила девушка яблоки в кучу и пошла дальше. И вот наконец пришла она к избушке. В окно избушки выглянула старуха. Из рта у нее торчали огромные белые зубы. Увидела девушка старуху, испугалась и хотела бежать, но старуха крикнула ей:

- Чего ты испугалась, милая? Оставайся-ка лучше у меня. Будешь хорошо работать, и тебе хорошо будет. Ты мне только постель стели получше да перину и подушки взбивай посильнее, чтобы перья во все стороны летели. Когда от моей перины перья летят, на земле снег идет. Знаешь, кто я? Я - сама госпожа Метелица.

- Что же, - сказала девушка, - я согласна поступить к вам на службу.

Вот и осталась она работать у старухи. Девушка она была хорошая, примерная и делала все, что ей старуха приказывала.

Перину и подушки она так сильно взбивала, что перья, словно хлопья снега, летели во все стороны.

Хорошо жилось девушке у Метелицы. Никогда ее Метелица не ругала, а кормила всегда сытно и вкусно.

И все-таки скоро начала девушка скучать. Сначала она и сама понять не могла, отчего скучает, - ведь ей тут в тысячу раз лучше, чем дома, живет, а потом поняла, что скучает она именно по родному дому. Как там ни плохо было, а все-таки она очень к нему привыкла.

Вот раз и говорит девушка старухе:

- Я очень стосковалась по дому. Как мне у вас ни хорошо, а все-таки не могу я здесь больше оставаться. Мне очень хочется родных увидеть.

Выслушала ее Метелица и сказала:

- Мне нравится, что ты своих родных не забываешь. Ты хорошо у меня поработала. За это я тебе сама покажу дорогу домой.

Взяла она девушку за руку и привела к большим воротам. Ворота раскрылись, и когда девушка проходила под ними, посыпалось на нее сверху золото. Так и вышла она из ворот, вся золотом обсыпанная.

- Это тебе в награду за твое старание, - сказала Метелица и дала ей веретено, то самое, которое в колодец упало.

Потом ворота закрылись, и девушка снова очутилась наверху, на земле. oskazkah.ru Скоро пришла она к мачехиному дому. Вошла она в дом, а петушок, сидевший на колодце, в это время запел:

- Ку-ка-ре-ку, девушка пришла!

Много золота в дом принесла!

Увидели мачеха с дочкой, что принесла падчерица с собой много золота, и встретили ее ласково. Даже ругать не стали за долгую отлучку.

Рассказала им девушка обо всем, что с нею случилось, и захотелось мачехе, чтобы ее дочка тоже стала богатой, чтобы она тоже много золота в дом принесла.

Посадила она свою дочь пряхь у колодца. Села ленивая дочка у колодца, но пряхь не стала. Только расцарапала себе палец терновником до крови, вымазала веретено кровью, бросила его в колодец и сама за ним в воду прыгнула.

И вот очутилась она на той же самой зеленой лужайке, где росли красивые цветы. Пошла она по тропинке и скоро пришла к печи, где пеклись хлебы.

- Ах, - крикнули ей хлебы, - вынь нас из печки! Вынь поскорее! Мы спеклись уже! Мы скоро сгорим!

- Как бы не так! - ответила лентяйка. - Стану я из-за вас пачкаться, - и пошла дальше.

Потом пришла она к яблоне, яблоня крикнула ей:

- Ах, потряси меня, девушка, потряси меня! Яблоки уже давно спели!

- Как же, как же, - отвечала она, - того и гляди. если я начну тебя трясти, какое-нибудь яблоко мне на голову свалится да шишку набьет!

Наконец подошла лентяйка к дому госпожи Метелицы. Она совсем не испугалась Метелицы. Ведь сестра рассказала ей о больших зубах Метелицы и о том, что она совсем не страшная.

Вот и поступила лентяйка к Метелице на работу.

Первый день она еще кое-как старалась побороть свою лень, слушалась госпожу Метелицу, взбивала ей перину и подушки так, что перья летели во все стороны.

А на второй и на третий день стала ее одолевать лень. Утром нехотя поднималась она с кровати, постель своей хозяйки стлала плохо, а перину и подушки совсем перестала взбивать.

Надоело Метелице держать такую служанку, вот она и говорит ей:

- Уходи-ка ты обратно к себе домой!

Тут лентяйка обрадовалась.

“Ну, - думает, - сейчас на меня золото посыплется”.

Подвела ее Метелица к большим воротам. Распахнулись ворота. Но когда выходила из них лентяйка, не золото на нее посыпалось, а опрокинулся котел со смолой.

- Вот тебе награда за твою работу, - сказала Метелица и захлопнула ворота.

Пришла лентяйка домой, а петушок, сидевший на колодце, увидел ее и закричал:

- Будут смеяться все на селе:

Входит девушка вся в смоле!

И так эта смола к ней крепко пристала, что осталась у нее на коже на всю жизнь.

Словацкая сказка в обработке Самуила Маршака Двенадцать месяцев

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу ещё не бывало так, чтобы февраль пришёл раньше, чем уйдёт январь, а май обогнал бы апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни сделает падчерица - всё не так, как ни повернётся - всё не в ту сторону.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и присест некогда было: то воды натаškai, то хворосту из лесу привези, то бельё на речке выполощи, то грядки в огороде выполи.

Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шёл январь месяц. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгребать лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метёт вьюга, а потом вернулась к тёплой печке и сказала падчерице:

- Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес? Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадёшь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

- Если и пропадёшь, так плакать о тебе никто не станет! Ступай да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугробов вытягивает.

Всё темнее становится кругом. Небо чёрное, ни одной звёздочкой на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега.

Вот и лес. Тут уж совсем темно - рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Всё равно, думает, где замерзаеть.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонёк - будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонёк. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы, - думает, - огонёк не погас!» А он не гаснет, он всё ярче горит. Уж и тёплым дымком запахло, и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шагу и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костёр горит, чуть ли не до самого неба достаёт. А вокруг костра сидят люди - кто поближе к огню, кто подальше.

Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков ещё того меньше: вон они какие нарядные - кто в серебре, кто в золоте, кто в зелёном бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое - совсем ещё мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики - поодаль.

И вдруг обернулся один старик - самый высокий, бородатый, бровастый - и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает её старик громко:

- Ты откуда пришла, чего тебе здесь нужно?

Девочка показала ему свою пустую корзину и говорит:

- Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

- Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

- Не я выдумала, - отвечает девочка, - а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на неё и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает - будто это не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

- Что же ты делать будешь, если не найдёшь подснежников? Ведь раньше марта месяца они и не выплывают.

- В лесу останусь, - говорит девочка. - Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замёрзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, весёлый, в шубке на одном плече, встал и подошёл к старику.

- Братец Январь, уступи мне на час своё место!

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

- Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля.

- Ладно уж, - проворчал другой старик, весь лохматый, с растрёпанной бородой. - Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо её знаем: то у проруби её встретишь с вёдрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей помочь.

- Ну, будь, по-вашему, - сказал Январь.

Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,

В заповедном бору,

У сосны, у берёзы

Не грызите кору!

Полно вам вороньё

Замораживать,

Человечье жильё

Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими, мягкими хлопьями.

- Ну, теперь твой черёд, братец, - сказал Январь и отдал посох меньшему брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,

Дуйте что есть мочи!

Вихри, вьюги и бураны,

Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,

Вейтесь над землёю.

Пусть бежит в полях позёмка

Белою змеёю.

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

- Теперь твой черёд, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил о землю.

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Разбегайтесь, ручьи,

Растекайтесь, лужи,

Вылезайте, муравьи,

После зимней стужи!

Пробирается медведь

Сквозь лесной валежник.

Стали птицы песни петь,

И расцвёл подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке?

Под ногами у неё - мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под тёмной кожуры первые зелёные листики.

- Что же ты стоишь? - говорит ей Март. - Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо! Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками - куда ни поглядишь. Набрала она полную корзинку, полный передник - и скорее опять на полянку, где костёр горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет. Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошёл над лесом. Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой.

А месяц за нею поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей - и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя выюга, а месяц спрятался в тучи.

- Ну что, - спросила её мачеха и сестра, - уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзину.

Мачеха и сестра так и ахнули:

- Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка всё, как было. Слушают они обе и головами качают - верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулась мачеха с дочкой и спрашивают:

- А больше тебе ничего месяцы не дали?

- Да я больше ничего и не просила.

- Вот дура так дура! - говорит сестра. - В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретишься, а ничего, кроме подснежников, не выпросила! Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного - яблок да груш сладких, у другого - земляники спелой, у третьего - грибов беленьких, у четвертого - свежих огурчиков!

- Умница, доченька! - говорит мачеха. - Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы это, и сколько бы денег выручила! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

- Где им! - отвечает дочка, а сама - руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

- Рукавички надень, шубку застегни!

А дочка уж за дверью. Убежала в лес!

Идёт по сестриным следам, торопится. «Скорей бы, - думает, - до полянки добраться!»

Лес всё гуще, всё темней. Сугробы всё выше, бурелом стеной стоит.

«Ох, - думает мачехина дочка, - и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в тёплой постели, а теперь ходи да мёрзни! Ещё пропадёшь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонёк - точно звёздочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонёк. Шла, шла и вышла на поляну. Посреди полянки большой костёр горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где жарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу, и вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

- Ты кто такая? - спрашивает. - Откуда взялась?

- Из дому, - отвечает мачехина дочка. - Вы нынче моей сестре целую корзину подснежников дали. Вот я и пришла по её следам.

- Сестру твою мы знаем, - говорит Январь-месяц, - а тебя и в глаза не видели. Ты зачем к нам пожаловала?

- За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль-месяц - огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август - яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц - орехов спелых. А Октябрь

- Погоди, - говорит Январь-месяц. - Не бывает лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко ещё до июня месяца. Я теперь лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

- Ишь, какой сердитый! - говорит мачехина дочка. - Да я не к тебе и пришла - от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождёшься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

- Ищи лета зимой! - говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба: заволокла и деревья, и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка.

- Перестань! - кричит. - Хватит!

Да где там! Кружит её метель, глаза ей слепит, дух перехватывает.

Свалилась она в сугроб, и замело её снегом.

А мачеха ждала-ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала - нет её, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдёшь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень! Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замёрзла.

Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у неё, рассказывают, около дома сад - да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

- У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят! - говорили люди.

Кто знает - может, так оно и было.

Русская народная сказка Семь Симеонов

Жил-был старик со старухой. Пришел час: мужик помер. Осталось у него семь сыновей-близнецов, что по прозванию семь Симеонов.

Вот они растут да растут, все один в одного и лицом и статью, и каждое утро выходят пахать землю все семеро.

Случилось так, что тою стороною ехал царь: видит с дороги, что далеко в поле пашут землю как на барщине - так много народу! - а ему ведомо, что в той стороне нет барской земли.

Вот посылает царь своего конюшего узнать, что за люди такие пашут, какого роду и звания, барские или царские, дворовые ли какие или наемные?

Приходит к ним конюший, спрашивает:

- Что вы за люди такие есть, какого роду и звания? Отвечают ему:

- А мы такие люди, мать родила нас, семь Симеонов, а пашем мы землю отцову и дедину.

Воротился конюший и рассказал царю все, как слышал. Удивляется царь.

- Такого чуда не слыхивал я! - говорит он и тут же посылает сказать семи Симеоном, что он ждет их к себе в терем на услуги и посылки.

Собрались все семеро и приходят в царские палаты, становятся в ряд.

- Ну, - говорит царь, - отвечайте: к какому мастерству кто способен, какое ремесло знаете?

Выходит старший.

- Я, - говорит, - могу сковать железный столб сажон в двадцать вышиною.

- А я, - говорит второй, - могу уставить его в землю.

- А я, - говорит третий, - могу взлезть на него и осмотреть кругом далеко-далеко все, что по белому свету творится.

- А я, - говорит четвертый, - могу срубить корабль, что ходит по морю, как по суху.

- А я, - говорит пятый, - могу торговать разными товарами по чужим землям.

- А я, - говорит шестой, - могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и вынырнуть где надо.

- А я - вор, - говорит седьмой, - могу добыть, что приглядится иль полюбится.

- Такого ремесла я не терплю в своем царстве-государстве, - ответил сердито царь последнему, седьмому Симеоноу, - и даю тебе три дня сроку выбираться из моей земли куда тебе любо; а всем другим шестерым Симеоном приказываю остаться здесь.

Пригорюнился седьмой Симеон: не знает, как ему быть и что делать.

А царю была по сердцу красавица царевна, что живет за горами, за морями. Вот бояре, воеводы царские и вспомнили, что седьмой Симеон, мол, пригодится и, может быть, сумеет привезти чудную царевну, и стали они просить царя оставить Симеона. Подумал царь и позволил ему остаться.

Вот на другой день царь собрал бояр своих и воевод и весь народ, приказывает семи Симеоном показать свое уменье.

Старший Симеон, недолго мешкая, сковал железный столб в двадцать сажон вышиною.

Царь приказывает своим людям уставить железный столб в землю, но как ни бился народ, не мог его уставить.

Тогда приказал царь второму Симеоноу вставить железный столб в землю. Симеон второй, недолго думая, поднял и упер столб в землю.

Затем Симеон третий взлез на этот столб, сел на маковку и стал глядеть кругом далече, как и что творится по белу свету; и видит синие моря, на них, как пятна, мреют корабли, видит села, города, народа тьму, но не примечает той чудной царевны, что полюбилась царю. И стал пуще глядеть во все виды и вдруг приметил: у окна в далеком тереме

сидит красавица царевна, румяна, белолица и тонкокожа: видно, как мозги переливаются по косточкам.

- Видишь? - кричит ему царь.

- Вижу.

- Слезай же поскорее вниз и доставай царевну, как там знаешь, чтоб была мне во что бы ни стало!

Собрались все семеро Симеонов, срубили корабль, нагроулили его всяким товаром, и все вместе поплыли морем доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями.

Едут, едут между небом и землей, пристают к неведомому острову у пристани.

А Симеон меньшей взял с собой в путь сибирского кота ученого, что может по цепи ходить, вещи подавать, разны немецки штуки выкидывать.

И вышел меньшей Симеон с своим котом с сибирским, идет по острову, а братьев просит не сходить на землю, пока он сам не придет назад.

Идет по острову, приходит в город и на площади пред царевниным теремом забавляется с котом ученым, сибирским: приказывает ему вещи подавать, через плетку скакать, немецкие штуки выкидывать.

На ту пору царевна сидела у окна и завидела неведомого зверя, какого у них и не водилось отродясь. Тотчас же посылает прислужницу свою узнать, что за зверь такой и продажный али нет? Служит Симеон красную молодку, царевнину прислужницу, и говорит:

- Зверь мой - кот сибирский, а продавать - не продаю ни за какие деньги, а коли крепко кому он полюбится, тому подарить - подарю.

Так и рассказала прислужница своей царевне, а царевна снова подсылает свою молодку к Симеону-вору:

- Крепко, мол, зверь твой полюбился!

Пошел Симеон во терем царевнин и принес ей в дар кота своего сибирского; просит только за это пожить в ее тереме три дня и отведать царского хлеба-соли, да еще прибавил:

- Научить тебя, прекрасная царевна, как играть и забавляться с неведомым зверем, с сибирским котом?

Царевна позволила, и Симеон остался ночевать в царском тереме.

Пошла весть по палатам, что у царевны завелся дивный неведомый зверь; собрались все: и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, - все глядят, любят не налюбуются на веселого зверя, ученого кота.

Все желают достать и себе такого и просят царевну; но царевна не слушает никого, не дарит никому своего сибирского кота, гладит его по шерсти шелковой, забавляется с ним день и ночь, а Симеона приказывает поить и угощать вволю, чтоб ему было хорошо.

Благодарит Симеон за хлеб-соль, за угощение и за ласки и на третий день просит царевну пожаловать к нему на корабль, поглядеть на устройство его и на разных зверей, виданных и невиданных, ведомых и неведомых, что привез он с собою.

Царевна спросилась у батюшки-царя и вечером с прислужницами и няньками пошла смотреть корабль Симеона и зверей его, виданных и невиданных, ведомых и неведомых.

Приходит, у берега поджидает ее Симеон меньшей и просит царевну не прогневаться и оставить на земле нянек и прислужниц, а самое пожаловать на корабль:

- Там много зверей разных и красивых; какой тебе полюбится, тот и твой! А всех одарить, кому что полюбится, - и нянек, и прислужниц - не можем.

Царевна согласна и приказывает нянькам да прислужницам подождать ее на берегу, а сама идет за Симеоном на корабль глядеть дива дивные, зверей чудных.

Как взошла - корабль и отплыл и пошел гулять по синему морю.

Царь ждет не дождется царевны. Приходят няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе. И распалился гневом царь, приказывает сейчас же устроить погоню.

Снарядили корабль, и погнался царский корабль за царевной. Чуть мреет далече - плывет корабль Симеонов и не ведает, что за ним царская погоня летит - не плывет! Вот уж близко!

Как увидели семь Симеонов, что погоня уж близко - вот-вот догонит! - нырнули и с царевной и с кораблем. Долго плыли под водой и поднялись наверх тогда, как близко стало до родной земли.

А царская погоня плавала три дня, три ночи; ничего не нашла, с тем и возвратилась.

Приезжают семь Симеонов с прекрасной царевной домой, глядь - на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Сам царь поджидает у пристани и встречает гостей заморских: семерых Симеонов с прекрасной царевной, с радостью великою.

Как сошли они на берег, народ стал кричать и шуметь, а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою-царевной - и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир!

А семи Симеоном дал волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать беспошлинно, владеть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкал и домой отпустил с казной на разживу.

Была и у меня клячонка - восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговал кирпичом, остался ни при чем; был у меня шлык, подворотню шмыг, да колешко сшиб, и теперь больно. Тем и сказке конец!

Сергей Владимирович Михалков

Письмо ко всем детям по одному очень важному делу

Дорогие мои дети!

Я пишу вам письмецо:

Я прошу вас, мойте чаще

Ваши руки и лицо.

Всё равно какой водою:

Кипячёной, ключевой,

Из реки, иль из колодца,

Или просто дождевой!

Нужно мыться непременно

Утром, вечером и днём

Перед каждою едою,

После сна и перед сном!

Тритесь губкой и мочалкой!

Потерпите - не беда!

И чернила и варенье

Смоют мыло и вода.

Дорогие мои дети!

Очень, очень вас прошу:

Мойтесь чище, мойтесь чаще

Я грязнуль не выношу.

Не подам руки грязнулям,

Не поеду в гости к ним!

Сам я моюсь очень часто.

До свиданья!

Александр Сергеевич Пушкин
Сказка о Попе и работнике его Балде

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошёл поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идёт, сам не зная куда.
“Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?”
Поп ему в ответ: “Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?”
Балда говорит: “Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три шелка тебе по лбу.
Есть же мне давай варёную полбу”.
Призадумался поп,
Стал себе почёсывать лоб.
Щёлк шелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: “Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моём подворье,
Окажи своё усердие и проворье”.
Живёт Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
Досветла всё у него пляшет,
Лошадь запряжёт, полосу вспашет.
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечёт да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попёнок зовёт его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идёт, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьёт, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признаётся:
“Так и так: что делать остаётся?”
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: “Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:

Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь,
А требуй, чтоб он её исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь”.
Стало на сердце попа веселее.
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: “Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный”.
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошёл, сел у берега моря;
Там он стал верёвку крутить
Да конец её в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
“Зачем ты, Балда, к нам залез?” -
“Да вот верёвкой хочу море морщить
Да вас, проклятое племя, корчить”.
Беса старого взяла тут унылость.
“Скажи, за что такая немилость?” -
“Как за что? Вы не платите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот уже будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха”.-
“Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука”.
Балда мыслит: “Этого провести не штука!”
Вынырнул подосланный бесёнок,
Замаяукал он, как голодный котёнок:
“Здравствуй, Балда мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть - возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору -
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок”.
Засмеялся Балда лукаво:
“Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата”.
Пошёл Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.

К морю опять он приходит,
У моря бесёнка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
“Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесёнок, ещё молоденок,
Со мною тягаться слабенок;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка”.
Пустились бесёнок и заяка:
Бесёнок по берегу морскому,
А заяка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесёнок, задыхаясь,
Весь мокрёшенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь - а Балда братца гладит,
Приговаривая: “Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый”.
Бесёнок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
“Погоди, - говорит, - схожу за оброком”.
Пошёл к деду, говорит: “Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!”
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесёнок: “Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк -
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?” - “Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку”.
Испугался бесёнок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям верёвкой грозит.
Вылез опять бесёнок: “Что ты хлопчешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...” -
“Нет, - говорит Балда, -
Теперь моя черед,
Условия сам назначу,
Задам тебе, вражонок, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь, там сивая кобыла?

Кобылу подыми-тка ты
Да неси её полверсты;
Снесёшь кобылу, оброк уж твой;
Не снесёшь кобылы, ан будет он мой”.
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: “Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног”.
Сел Балда на кобылку верхом
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесёнок и к деду
Пошёл рассказывать про такую победу.
Черти стали в кружок,
Делать нечего - черти собрали оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идёт Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
“Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной”.

Сергей Алксеевич Баруздин

Мамина работа

- Ну, Светик, одевайся. Пойдём посмотреть мою работу,- сказала мама. Они вышли во двор, потом на улицу, спустились в метро и уже через несколько минут были на другом конце города.

Здесь в зелени молодых деревьев стояло большое красное здание. Мама провела Светлану через красные железные ворота. Они пошли по просторному двору к дверям дома.

- Что это? - спросила Светлана.

- Это, доченька, фабрика, где я работаю,- сказала мама. Когда они вошли в цех, Светлана сначала растерялась.

Она никогда ещё не видела таких огромных комнат со стеклянной крышей. Повсюду рядом стояли машины, и все они так шумели и тарахтели, что ничего не было слышно. Мама подвела дочку к одному станку. Тут Светлана вдруг увидела, как из него широкой бесконечной лентой тянулась разноцветная материя.

—Вот здесь я и работаю,- услышала Светлана мамины слова.- Мы делаем здесь материю, из которой потом шьют ребятам красивые платья. — А это что? - вдруг спросила Света и показала на маленький красный флажок на вершине станка.

—Такие красные флажки дают тем работницам, которые хорошо работают,- сказала мама.

- А у нас в цехе все хорошо работают.

Светлана посмотрела на другие станки и увидела, что на них тоже развеваются красные флажки.

- И я хочу такой флажок, и машину тоже,- сказала Света.

- И тебе, доченька, дадут такой флажок, когда ты вырастешь и, будешь хорошо работать.

Долго они ещё ходили по цеху, смотрели на станки, на большие тюки материи. Тюки эти сами плыли по длинной ленте - конвейеру в соседний зал. Там их упаковывали в бумагу и грузили на машины.

Повезут эту материю во все концы страны, чтобы сшить для ребят много новой красивой одежды.

Светлане очень понравилась мамина работа. А ночью приснился сон. Стоит она в большом светлом цехе около машины, а из машины вылетают разноцветные платья!

Надевают их ребята и говорят:

- Хорошие платья!

А на Светланиной машине, на самом верху, вьётся маленький красный флажок - за хорошую работу.

ОБВАЛ

Девочка Валя ела рыбу и вдруг подавилась косточкой. Мама закричала:

— Съешь скорее корку!

Но ничего не помогало. У Вали текли из глаз слезы. Она не могла говорить, а только хрипела, махала руками. Мама испугалась и побежала звать доктора. А доктор жил за сорок километров. Мама сказала ему по телефону, чтоб он скорей-скорей приезжал. Доктор сейчас же собрал свои щипчики, сел в автомобиль и поехал к Вале. Дорога шла по берегу. С одной стороны было море, а с другой стороны крутые скалы. Автомобиль мчался во весь дух. Доктор очень боялся за Валу. Вдруг впереди загремело, и шофёр остановил автомобиль. Это одна скала рассыпалась на камни и засыпала дорогу. Ехать стало нельзя, и доктор чуть не заплакал. Оставалось ещё далеко. Но доктор всё равно хотел идти пешком. Вдруг сзади затрубил гудок. Шофёр посмотрел назад и сказал:

— Погодите, доктор, помощь идёт!

А это спешил грузовик. Он подъехал к завалу. Из грузовика выскочили люди. Они сняли с грузовика машину-насос и резиновые трубы. И провели трубу в море. Насос заработал. По трубе он сосал из моря воду, а потом гнал её в другую трубу. Из этой трубы вода вылетала со страшной силой. Она с такой силой вылетала, что конец трубы людям нельзя было удержать: так он трясся и бился. Его привинтили к железной подставке и направили воду прямо на обвал. Получилось, как будто стреляют водой из пушки. Вода так сильно била по обвалу, что сбивала глину и камни и уносила их в море. Весь обвал вода смывала с дороги.

— Скорей едем! — крикнул доктор шофёру.

Шофёр пустил машину. Доктор приехал к Вале, достал свои щипчики и вынул из горла косточку. А потом сел и рассказал Вале, как завалило дорогу и как насос-гидротаран размыл обвал.

Владимир Владимирович Маяковский
Кем быть?

У меня растут года, будет и семнадцать. Где работать мне тогда, чем заниматься? Нужные работники - столяры и плотники! Сработать мебель мудрено: сначала мы берем бревно и пилим доски длинные и плоские. Эти доски вот так зажимает стол-верстак. От работы пила раскалилась добела. Из-под пилки сыплются опилки. Рубанок в руки - работа другая: сучки, закорюки рубанком стругаем. Хороши стружки - желтые игрушки. А если нужен шар нам круглый очень, на станке токарном круглое точим. Готовим понемножку то ящик, то ножку. Сделали вот столько стульев и столиков!	Столяру хорошо, а инженеру - лучше, я бы строить дом пошел, пусть меня научат. Я сначала начерчу Дом такой, какой хочу. Самое главное, чтоб было нарисовано здание славное, живое словно. Это будет - перёд, называется фасад. Это каждый разберет - это ванна, это сад. План готов, и вокруг сто работ на тыщу рук. Упираются леса в самые небеса. Где трудна работка, там визжит лебедка; подымает балки, будто палки. Перетащит кирпичи, закаленные в печи. По крыше выложили жечь. И дом готов, и крыша есть. Хороший дом, большущий дом на все четыре стороны, и заживут ребята в нем удобно и просторно.
Инженеру хорошо, а доктору - лучше,	Народа - уйма целая, тысяча двести. Чего один не сделает -

я б детей лечить пошел, пусть меня научат. Я приеду к Пете, я приеду к Поле. - Здравствуйте, дети! Кто у вас болен? Как живете, как животик? - Погляжу из очков кончики язычков. - Поставьте этот градусник под мышку, детишки. - И ставят дети радостно градусник под мышки. - Вам бы очень хорошо проглотить порошок и микстуру ложечкой пить понемножечку. Вам в постельку лечь поспать бы, вам - компрессик на живот, и тогда у вас до свадьбы всё, конечно, заживет. - Докторам хорошо, а рабочим - лучше, я б в рабочие пошел, пусть меня научат. Вставай! Иди! Гудок зовет, и мы приходим на завод.	сделаем вместе. Можем железо ножницами резать, краном висящим тяжести тащим; молот паровой гнет и рельсы травой. Олово плавим, машинами правим. Работа всякого нужна одинаково. Я гайки делаю, а ты для гайки делаешь винты. И идет работа всех прямо в сборочный цех. Болты, лезьте в дыры ровные, части вместе сбей огромные. Там - дым, здесь - гром. Гро- мим весь дом. И вот вылазит паровоз, чтоб вас и нас и нес и вез. На заводе хорошо, а в трамвае - лучше, я б кондуктором пошел, пусть меня научат.
Кондукторам езда везде. С большою сумкой кожаной	Быть шофером хорошо, а летчиком - лучше,

ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно.
- Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,
бери любые -
зеленые,
красные
и голубые. -
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы,
садись
и грейся.
Кондуктору хорошо,
а шоферу -
лучше,
я б в шоферы пошел,
пусть меня научат.
Фырчит машина скорая,
летит, скользя,
хороший шофер я -
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо -
без рельсы
жителей
доставлю на дом.

Е- дем,
ду- дим:
«С пу- ти
уй- ди!»

я бы в летчики пошел,
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.
«В небеса, мотор, вези,
чтобы птицы пели».
Бояться не надо
ни дождя, ни града.
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря.
Без разговору
облетаю гору.
«Вези, мотор,
чтоб нас довез
до звезд и до луны,
хотя луна и масса звезд
совсем отдалены».
Летчику хорошо,
а матросу - лучше,
я б в матросы пошел,
пусть меня научат.
У меня на шапке лента,
на матроске якоря.
Я проплавал это лето,
океаны покоря.
Напрасно, волны, скачете -
морской дорожкой
на реях и по мачте,
карабкаюсь кошкой.
Сдавайся, ветер выюжный,
сдавайся, буря скверная,
открою полюс Южный,
а Северный - наверное.
Книгу переворошив,
намотай себе на ус -
все работы хороши,
выбирай на вкус! (1928)

Радий Петрович Погодин
ШУТКА
Рассказ

Не было у Коли бабушек, которые пахнут оладьями и клубничным вареньем. Не было у Коли дедушек, которые позже всех спать ложатся и раньше всех поднимаются поутру. Был Коля один у родителей, и родители у Коли были одни - мать да отец. Не с кем было его в Ленинграде оставить.

И привезли родители Колю Уральцева на край земли, самый северный, отдалённый посёлок.

Горсточку слабых огоньков увидал Коля с аэродрома. А вокруг этих тёплых, живых огоньков увидел Коля Уральцев громадную ночь, неподвижную и торжественную. Небо в звёздах, как в орденах, и чёрная мгла без конца и без края. От такого вида у Коли в носу защипало. В голове и в груди у него образовалась громкая пустота.

"Ух ты!" - подумал Коля Уральцев, втянул уши в воротник, перевязанный толстым маминым шарфом, и долго потом молчал.

Родители определили своего единственного дорогого сына в школу-интернат, в первый класс. Сами залезли в железный вездеход и укатили по ночному снегу ещё дальше на север. Там, на пустом берегу, в деревянной избушке предстояло им поселиться для научной работы.

О своём сыне справлялись они по радио. На зимовках всё узнают по радио: и последние новости, и насчёт работы, и о здоровье своих ребятишек.

Придёт зимовщик из тундры, накормит собак, скинет меховую одежду, отдохнуть возле печки сядет, а по радио говорят:

"Слушайте, слушайте. Передаём сообщение о вашем сыне Коле. Первоклассник Коля Уральцев получил две пятёрки и одну тройку. Поведение у него хорошее. Здоровье отличное".

Сидят мать и отец на зимовке перед горячей печкой, думают о своём сыне единственном.

Коля о них тоже думает.

Выйдет на крыльцо и думает. "Вот там, - думает, - в темноте под Полярной звездой родители мои зимуют, изучают самую верхнюю оболочку Земли, где рождается северное сияние. Возникает в вышине оно. Непонятное и прекрасное. Будто другие жаркие планеты посылают своё тепло нашим людям. И леденеет это тепло в замороженном редком воздухе, сверкает во тьме разноцветное и ещё неразгаданное".

Когда Коля смотрел на сияние, студясь на сквозном ветру, он казался себе меньше самой маленькой неподвижной кочки. И это было приятно ощущать, как огромен мир, и как трудно в нём разобраться. И как всё-таки необходимо обо всём думать и всё увидеть своими глазами...

Жил Коля Уральцев с двумя мальчиками в комнате. Одного звали Лёнькой, был этот Лёнька промыслового охотника сын. Другого мальчишку звали Санька, этот был сыном радиста. Оказались они все трое ровесниками-первоклассниками. Про всех троих шли родителям на зимовки хорошие радиogramмы. Но случился день, о котором в радиogramмах не сообщалось. О котором и Лёнька, и Санька, и Уральцев Коля вспоминать не хотят, но всегда помнят.

Был этот день воскресенье.

Санька привёл в гости малого своего брата из детского сада. Звали малого брата Стасом. И когда Санька его привёл, и когда они уже поиграли немного, и уже собрался Санька отводить Стаса обратно в его круглосуточный Детский сад, по радио объявили метеосводку: мол, идёт непогода-пурга.

В пургу ветер воет так жутко, словно кончается на земле его лихая, бродячая жизнь. В пургу ветер дует так сильно, что лётчики привязывают самолёты к специальным крепким столбам. Люди из домов выходить опасаются. Свалит ветер человека, ударит о камни, засыплет снегом - БЕДА!

Большим и малым это известно.

Только герой-первоклассник Лёнька к метеосводке отнёсся странно.

- Парни, - сказал он отважным голосом, - побежали быстрее на остров. Там сегодня кино интересное будут показывать.

А до острова три километра через голый пролив по льду.

Коля ему напомнил:

- Как же так. Ведь пурга.

- До пурги успеем. Мы ходко побежим.

- Мне нельзя, - сказал Санька. - У меня Стас в гостях. Он толстый, закутанный. Он быстро не может.

- Я побыстрее всех могу, - сказал Стас. - Только я не согласен. Я сейчас спать захотел.

Лёнька обрадовался.

- Ну и ложись. Ну и спи. Нам без тебя ещё лучше. Мы одни побежим.

Коля представил себе пролив, тёмный и голый, очень удобный для ветра. Представил Коля, как ветер их повалил, закатил в ледяные щели и снегом засыпал. Стало ему жутко.

Он ещё раз Лёньке напомнил:

- Пурга ведь.

- А ты, Уральцев Коля, не суйся, - сказал Лёнька. - Ты на севере сколько живёшь? А мы здесь уже давно живём. Кто лучше знает?

- А я не могу одного Стаса оставить, - сказал Санька. - Мне его под честное слово дали. Может быть, я его ещё в детский сад проводить успею.

Тогда Лёнька посмотрел на них на всех свысока.

- Трусы, - сказал он, - вот вы кто. Вот не ожидал. Стас, а ты первый трус, хоть и родился на севере.

Стас немножко надулся.

- Я не трус, - сказал он. - Я маленький.

По радио объявили, что пурга подошла совсем близко к посёлку, и велели всем-всем из домов не выходить. А тем, кто ещё был в пути, приказали торопиться изо всех сил в укрытые от ветра места.

Санька пригорюнился.

- Опоздали. Придётся тебе, Стас, у нас оставаться.

- А мне всё равно, - сказал Стас. - Только вы не очень шумите. Я спать буду сидя.

И тут Лёнька придумал.

- Знаете, - сказал он, - давайте напишем записку, будто мы все вчетвером ушли на остров кино глядеть. А сами оденемся и под кроватями спрячемся. Все напугаются, а когда напугаются - мы тут как тут. Здрате. Вот потеха будет!

- Давайте, - сказали Санька и Коля.

Подумали они в этот момент только о том, что не нужно им по проливу идти. Не станет их пурга с ног валить. Не укатит в ледовитое море.

- И не шумите, - сказал Стас. - Я уже засыпаю.

Приятели вырвали лист бумаги в косую линейку, на которой первоклассники пишут в тетрадках. Написали свою записку. А когда написали, оделись во всё тёплое, в чём гулять ходят, Стаса закутали. Под кровати залезли. Лежат себе тихо. Ждут, когда их спохватятся. И уснули в темноте да в тепле под кроватями.

Воспитательница проходила. Заглянула к ним в комнату. Видит, никого нет в комнате, а на столе записка. Прочитала воспитательница эту записку и быстрее к директору. Прочитал директор эту записку - и скорее к телефону.

За окном темень. Если лицо к стеклу вплотную приблизить, станет заметно, как на улице кипит снег. Как ветер мнёт его и швыряет. Это пурга сигнал подаёт: мол, я уже здесь, я уже возле самых домов - сейчас дохну во всю силу.

Позвонил директор по телефону, вызвал секретаря райкома. Говорит в трубку, а сам от волнения на месте стоять не может, ходит вокруг стола.

- Беда, - говорит, - у меня мальчишки из интерната на остров ушли. В проливе на голом льду их пурга застигнет. В проливе пурга с двойной силой дует. Унесёт она ребят в океан.

- Понял вас, - сказал секретарь райкома. - Как мальчишек зовут?

- Крылов, Емельянов, Уральцев и с ними один дошкольник Стас.

- Ясно, - сказал секретарь райкома. - Родителям на зимовки не сообщать. Принимаю меры. - И трубку повесил. Но повесил он её всего лишь на одну секунду. И опять поднял. И поднимал несколько раз, чтобы всем, кому нужно, сказать.

Капитану порта сказал:

- Тревога. Поднимайте моряков, пусть верёвки берут, фонари электрические захватывают. Мальчишки-малыши на остров пошли.

Начальнику гидрологов сказал:

- Тревога. Выводите вездеходы в пролив. Идите к океану. Трое мальчишек из интерната и один мальчишка-дошкольник в проливе в пургу попали.

На остров позвонил, командиру лётчиков и начальнику метеорологов сказал:

- Тревога, товарищи. Поднимайте людей. Идите с острова навстречу портовикам. Четверо малышей в проливе.

С главным охотником-звероловом поговорил:

- У тебя тут собачьи упряжки имеются?

- Есть. Несколько охотников-звероловов по делам прибыли.

- Пусть выводят собачьи упряжки. Пусть идут на них к океану впереди вездеходов. Четверо мальчишек в пургу попали.

Ещё позвонил командиру военной части. И на севере, на краю земли, солдат-пограничник в дозоре стоит - бережёт от врагов нашу Родину.

Поднялись по тревоге солдаты. Стали цепью. Двинулись в пургу, чтобы искать за каждым ледяным бугром, в каждой каменной щели. Всюду, где глаз в такую темень достанет. Всюду, где руки нашарят. Всюду, куда ноги в такую пургу дойдут. Мальчишки-малыши лёгкие, в тёплых шубах неповоротливые, их пурга далеко укатить может.

Потом секретарь райкома собрал остальных городских людей. Парикмахеров взяли, поваров, бухгалтеров, монтажников с электростанции, охотоведов, продавцов, учителей, которые помоложе.

Спортсменов-десятиклассников взял и сам с ними в пургу пошёл.

А мальчишки Лёнька, Коля и Санька спят под кроватями. Возле паровых батарей в тёплых шубах парятся. Дошкольник Стас слаще всех спит. Похрюкивает во сне и причмокивает.

Пурга валит людей. Идут они, друг с другом верёвками связанные. Свет от фонарей упирается в бешеный снег, не достигает вперёд дальше шага. Тревожно у людей на душе. Мнится им, что уже осилил ветер четырёх ребятишек. Катит их где-нибудь далеко.

Вездеходы гусеницами грохочут, только не слышно их грохота. Пурга всякий шум заглушает. На вездеходах прожекторы. Сильно светят, да только на четыре шага пургу пробивают.

Собачьи упряжки опрокидываются. Собаки ползут сквозь пургу на брюхе. А как ветер чуть-чуть ослабнет - бегом бегут. Ловят собаки каждый самый маленький запах - вдруг пахнёт ребятишками. Охотники-звероловы, люди к темноте да к пурге привычные, понукают своих собак:

- Давайте, милые. Почуйте ребятишек. Их спасти нужно.

Цепью идут солдаты. Молча идут солдаты. В таком аду хоть как кричи, крик даже до собственных ушей не долетит.

Один солдат, по фамилии Петров, в лунку провалился. Гидрологи во льду лунку пробили, чтобы зимнее море изучать в глубине. Намок солдат Петров и тут же на ветру его одежда заледенела.

Командир велел солдату в посёлок спешить, в больницу.

- Я же не больной, - сказал солдат. - Я только мокрый.

- Идите быстрее, - приказал ему командир. - Изо всех сил торопитесь.

Тревожные радисты шлют в пургу один только вопрос:

- Нашли или нет?

- Нет, - отвечают им из пурги.

На дальних зимовках поймали зимовщики такие радиосигналы. Приникли к приёмникам. Каждый думает: "Может, мой сын в беде, а не мой, так товарища". Плохо зимовщикам: далеко они, не могут на помощь броситься.

Директор школы устал по коридору ходить. Старый он был. Будь помоложе, он бы тоже пошёл в пургу.

Заглянул директор в комнату к пропавшим ребятишкам. Валенец из-под кровати торчит. Директор этот валенец ногой шевельнул. Не пустой, есть в нём что-то. Директор нагнулся, взялся за валенец и вытащил из-под кровати Стаса. Стас обратно лезет, сон свой досматривать. Директор под одну кровать заглянул, под другую. И из под каждой вытащил по мальчишке.

- Так, - говорит, - очень прекрасно, - говорит. - Объясните мне ваш поступок.

Мальчишки ещё не поняли со сна, в чём дело, почему у директора такое усталое белое лицо.

- Мы пошутили. Мы тут...

- Хорошо пошутили... - Директор сел на кровать, сгорбился. - Не раздевайтесь. Сейчас мы в одно место пойдём. Вы там, кому нужно, объясните про вашу шутку.

По дороге директор завернул к себе в кабинет, позвонил на радиостацию. Сказал радисту:

- Нашлись мальчишки. Они под кроватями спали. Это, извините, была шутка с их стороны. - И ещё больше сгорбился.

Радист тут же принялся посылать сигналы в пургу:

"Нашлись ребятишки... Нашлись ребятишки... Они под кроватями спали... Это была шутка с их стороны... была шутка..."

Услышали такой сигнал на зимовках. "Вот это да, - подумал каждый зимовщик. - Вот это порадовали. Может быть, среди шутников и наш сын дорогой..."

Приняли сообщение радиста спасательные отряды. Повернулись они возвращаться. Горько им стало и тяжело. Горько потому, что почувствовали они себя обманутыми. Тяжело потому, что, когда они ребятишек искали, была у них тревога за ребячью судьбу, была надежда, что не дадут они ребятишкам пропасть. Эта тревога и эта надежда силу людям удваивали. Сейчас от обмана ослабли люди... А пурга, как назло, в своей самой лютой ярости вызрела. Прямо в лицо, прямо в грудь ледяными когтями бьёт и снизу, и сверху, и со всех сторон треплет. Старается оторвать людей друг от друга. С ног сбить. Укатить. И следы замести.

Директор вывел первоклассников Лёньку, Колю и Саньку и дошкольника Стаса из своего кабинета. Велел за собой следовать.

Школьные ребята, все как есть, в коридоре стоят, молча смотрят на шутников.

Выбрал директор троих парней посильнее. Велел им взять шутников за воротники. Сам Стаса взял. Таким образом улицу преодолели и очутились где нужно.

В больнице.

Доктора лечат солдата Петрова. Он весь поморозился в мокрой одежде. Едва до больницы добрался. Кроме солдата в больнице ещё много людей. У кого лицо поморожено, у кого руки. И другие люди всё приходят. С ног валятся от усталости. И у всех, кто приходит, что-нибудь поморожено.

- Вот, товарищи, - сказал директор. - Это и есть те самые ребяташки. Посмотрите на них. Пусть они вам ответят.

А что тут ответишь?

- Мы пошутили, - сказал Лёнька и полез вместе со Стасом под белый больничный диван - реветь.

Санька встал в угол лицом - ревёт.

Только Коля Уральцев остался стоять где стоял. Смотрит в пол - реветь не может. Слезы у него не идут - на пути к глазам выкипают.

Молчат обмороженные люди.

А пурга за окном хохочет.